

Рехачев Михаил Васильевич. Северная чернь / М. В. Рехачев; обложка, титул, форзац, заставки и концовки худож. Е. П. Шильниковского. – [Архангельск] : Архангельское областное государственное издательство, 1952. – 84 с., [27] л. ил. : ил.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Устюг Великий
Чернение серебра
Северная чернь
Финифтяная фабрика Поповых
От фабрики Поповых до мастера Чиркова
Устюжские черневые изделия
Промысловая артель «Северная чернь»
Устюжские серебряных и черневых дел мастера

УСТЮГ ВЕЛИКИЙ

Желание подробно изучить замечательную устюжскую чернь по серебру – старинное самобытное народное искусство художественного украшения металла – давно влекло меня в Великий Устюг, где до сих пор процветает это ремесло. Комфортабельный пассажирский пароход в трое суток доставил нас от Архангельска до Котласа – пересечения железнодорожного и водного путей.

Небольшой однопалубный пассажирский пароход «Горончаровский» стоял под парами у огромной котласской пристани, он принимал пассажиров и груз. Несколько гудков, и пароход, торопливо отбивая колёсными плечами такт, направился вверх по Малой Двине.

Быстро улеглась посадочная суета, и все пассажиры удобно устроились. В нашей каюте – люди самых различных возрастов и специальностей. Все они устюжане.

Мне посчастливилось – в каюте оказался работник речного флота, дальний родственник Кошкова – знаменитого мастера северной черни. Он-то нам и рассказал много интересного как о городе, так и о своём прадеде Кошкове. В оживлённой беседе незаметно прошло несколько часов, и только продолжительный гудок парохода прервал разговор, возвестив, что мы у цели нашего путешествия – красивого северного города Великого Устюга. Перед нашими глазами справа на высоком берегу постепенно развёртывалась панорама одного из древнейших городов Севера с его чудесными памятниками былой культуры и богатства.

* * *

Великий Устюг – один из древнейших городов Севера России. Уже в XI веке русские начали воздвигать острожки на берегах Северной Двины, Юга и селиться на побережьях северных морей. К концу XII века относится возникновение Великого Устюга.

Великий Устюг расположен при слиянии двух довольно крупных рек Сухоны и Юга, образующих Малую Двину.

Первоначально город возник на правом берегу устья слившихся Сухоны и Юга, па довольно высокой горе, с вершины которой далеко были видны все окрестности и потому называвшейся Гледень. По имени горы был назван и город. Весенние разливы Сухоны приносили немало бед и несчастий. Постепенное размывание берегов вынудило жителей переселиться на новое место, на Чёрный Прилук. В 1212 г. было возведено

первое городище на нынешнем месте расположения города. Немногочисленное население, жившее в черте городища, свидетельствует о том, что в то время Устюг был русским окраинным укреплением, выдвинутым далеко на восток.

Устюгом владели и новгородцы, и владимирские, ростовские, галицкие, и московские князья. Дважды он попадал под власть татар. Но устюжане всегда тяготели к Москве, и Устюг Великий играл значительную роль в борьбе московских князей с Великим Новгородом, а затем помогал им в освоении Севера и Северо-Востока.

Так, в 1393 году устюжане принимают участие в походе московского князя против Новгорода, в 1417 году вместе с галичанами и вятичами снова участвуют в борьбе Москвы с Новгородом за Двинскую землю. В 1465 году они по приказу великого князя Ивана Васильевича IV ходили в Югорскую землю и пленённых югорских князей доставили в Москву. В течение следующего десятилетия они снова участвуют в походах московских князей на Обь и в Югорскую землю.

До середины XVI века Устюг представлял собой военное укрепление. Уже в 1212 году городище было обнесено стоячим тыном, имело 7 деревянных башен и трое ворот с двухъярусными бойницами над ними. Московские князья придавали Устюгу большое значение – он был для них крепостью и исходным пунктом для продвижения в Приуралье и Сибирь. Об этом значении Устюга для Москвы свидетельствует то, что в период с 1438 по 1445 год вместо старого был построен новый «большой острог», окружённый деревянной крепостной стеной, рвом и 14 башнями. Он имел уже 5 ворот с трёхъярусными бойницами над ними. А в 1495 году Иван Грозный вновь приказал перестроить его в ещё более сильное укрепление.

К середине XVI века Устюг теряет своё военное значение – он перестаёт быть окраинным укреплением государства, так как русские в 1552 году взяли Казань, покончили с Казанским ханством и закрепились в Сибири.

Потеряв своё окраинное, военное значение, Устюг не замер. Благодаря тому, что население Устюга и его округи издавна занималось всякими ремёслами, он стал развиваться в крупный город. Если в XVIII веке, в пору упадка города, здесь было 24 разных заводов и фабрик, 606 торговых лавок, то, нет сомнения, что в пору расцвета города ремёсла и торговля здесь были очень сильно развиты. Развитию здесь большого торгового дела способствовало также и то, что он по своему географическому положению являлся узлом, связывающим отдалённые части государства друг с другом и с Москвой. Отсюда по Двине через Холмогоры осуществлялось сообщение с Поморьем, по Вычегде – с районами Мезени и Печоры, по Сухоне – с районами Вологды, Москвы и Волги, по Югу и Лузе – с Ветлугой, Вяткой, Казанью, с районами Камы и Нижнего Поволжья.

Из Архангельска шли по Двине в Устюг, Вологду и Москву иноземные суконные, хлопчатобумажные ткани, шёлк, бархат, галантерея, бакалейные и москательные товары, металл, предметы украшения, одежда, металлические изделия, посуда, вино и другие товары.

Из Сибири на Устюг доставлялась пушнина. В XVII веке Устюг был центром торговли сибирской «мягкой рухлядью». В состав сибирской пушнины входили: соболи, недособоли, собольи хвосты, чёрные, рыжие и карие бобры, горностаи, красные, бурые и чёрночеревые лисицы, куницы, росомахи, голубые песцы, белки и др., а также меховые изделия и прочие товары (корень ревеня, лосиные кожи и т. д.).

Здесь же продавался местный сысольский соболь, добываемый на р. Сысоле.

Из Вологды, Галича и Юрьевца привозились кожи, холст, хлеб, лён, кожаная обувь, сбруя, сермяжное и белое сукно, овчинные кафтаны, полотняные и холщёвые рубахи и штаны, деревянная посуда, мёд, воск, гвозди, некоторые железные изделия и различные продукты местного хозяйства.

Вологда поставляла большое количество продуктов огородничества.

Через Вологду, Ярославль и Кострому шли товары с Волги восточного происхождения (персидские и др.).

По Югу с Унжи и Ветлуги везли рожь, пшеницу, горох, льняное семя, дубовые доски, мочальные и щепные изделия, щетину, свиное сало, коровье масло, орехи, воск, мёд, свежую рыбу, яйца и другие товары.

С Вятки привозились мёд, воск, местная пушнина, дублёная кожа и рыба, Казань доставляла восточные ткани. Завозились продукты астраханских и каспийских рыбных промыслов.

С Ваги везли сермяжные сукна, холст, нитки, неводное прядение, неводные дели. Из Холмогор – соль, треску, палтус., тресковый жир, коровье и тюленьё сало, мыло, слюду, а также разные изделия из моржовой кости (гребни). Мезень и Печора поставляли сёмгу, сигов, омулей, нельму, оленину, моржовую кость, песцов, пух и морошку.

Одновременно в Устюге продавалось большое количество продуктов сельского хозяйства и местных товаров, хотя товары местного производства в общем огромном товарообороте занимали скромное место.

В Устюге велась торговля сольвычегодской и поморской солью и серебром. Широкому развитию в Устюге торговли серебром в большой степени способствовало открытие ещё в 1492 году на реке Цыльме серебряного рудника, в котором; работало много устюжан.

В 1676 году в Устюг через Вологду прибыл большой караван персидских, армянских и греческих купцов с товарами и выбыл в Архангельск под охраной устюжан.

Таким образом, устюжане с давних пор принимали весьма активное участие в торговле не только внутренней, но и внешней. Это привлекало в город иностранцев; некоторые из них подолгу жили в Устюге и селились на лугу, близ монастыря Это место стало носить название «Немчинова ручья».

Много устюжан переселялось на жительство в Сибирь и другие города по собственному желанию. Но приходилось переселяться в Сибирь и по приказу правительства. Так, в 1600 году несколько устюжан было переселено в только что заложенный Туринск, Тобольской губернии, а в 1630 году было вновь отослано до Тобольска на казённых подводах из Устюга, Вологды, Тотьмы и Сольвычегодска 500 мужчин и 150 женщин для расселения вместе с казаками и стрельцами. Через десять лет снова было послано несколько семейств. Уход и переселение устюжан из города были настолько значительны, что горожане вынуждены были просить у царя Алексея Михайловича о снятии с них податей, так как они не могли уплатить за беглых и ушедших. С них было снято тогда недоимок 17 135 рублей.

Следует отметить, что Устюг немало страдал от пожаров. Этот страшный бич приносил деревянному городу много бедствий и неисчислимые убытки. Не раз выгорала большая часть города. Устюжский летописец свидетельствует, что только за 1772–1774 гг. пожарами было уничтожено 552 дома, 24 разных фабрики, 14 амбаров и 606 купеческих лавок. Кстати, эти цифры также подтверждают промышленное и торговое значение этого города.

До конца XVII века Великий Устюг был административным центром огромной по территории и экономическим богатствам Велико-Устюжской области.

С перемещением на Каму в конце XVII века торгового пути на восток Устюг быстро теряет своё торговое значение. Уже в 1708 году он был отнесён к провинциальным городам и причислен к Архангелогородской губернии. В 1780 году его переименовали в областной, а в 1797 году – уездный город.

Приведённое краткое описание Великого Устюга свидетельствует о том, что этот город принимал непосредственное и активное участие в военной, экономической и культурной жизни Московского государства.

* * *

За время своего семивекового существования Устюг Великий скопил и сохранил большое количество материальных источников, характеризующих историческое и культурное прошлое русского народа, прошлое европейского Севера России. В нём до сих пор сохранились памятники замечательного русского зодчества, предметов крестьянского и городского самобытных прикладных ремёсел, процветавших здесь в прошлом и частично сохранившихся до наших дней.

При ознакомлении с историей Великого Устюга и его экономическими и культурными связями было бы неправильно не отметить теснейшей его связи с Сольвычегодском, находящимся в 87 км от него.

Сольвычегодск – центр вотчины именитых людей Севера XVI–XVIII веков Строгановых. Строгановы много сделали для насаждения и развития в своей вотчине различных художеств и ремёсел, заимствуя их из разных мест и тем более, надо полагать, из соседнего Устюга, издавна известного своими ремёслами. Нередко устюжские мастера подолгу жили в Сольвычегодске и работали там по специальности. Так, устюжский купец и мастер чернения серебра Никита Иванович Буравкин в 1744 году жил в Сольвычегодске и там работал. Такие случаи не единичны.

Ещё в XVIII веке Великий Устюг и его округа славились каменным и деревянным зодчеством, шитьём золотом, печными изразцами, резьбой и чеканкой по берёсте, берестяными расписными и чеканными бураками («туесами»), филигранными работами из серебра, финифтью, чернью по серебру и многими другими работами. Кустарная промышленность и художественные ремёсла в экономике Устюга занимали большой удельный вес, так как население этого района значительно меньше по сравнению с другими районами занималось отхожими промыслами и отвлекалось в промышленность.

Теперь Устюг – центр административного района Вологодской области. Этот старинный русский город, переживший свой расцвет и с конца XVII века погрузившийся в спячку провинциального захолустья, в наше время вновь живёт кипучей и полнокровной жизнью.

И Устюге имеется 11 начальных и семилетних школ, средняя школа, семь различных техникумов, учительский институт, два ремесленных училища, школа ФЗО механизации сельского хозяйства, несколько курсовых межрайонных баз и др. Устюжане с гордостью говорят, что в их городе в настоящее время во всех этих заведениях учится больше 8000 человек.

Город имеет театр, Дом культуры, кинотеатр, парк, при предприятиях работают клубы и красные уголки, где идёт большая кропотливая политическая и культурно-просветительная работа.

Замечателен в Устюге местный краеведческий музей, в создание которого так много вложено бескорыстного труда энтузиаста-краеведа В. В. Комарова. Музей располагает ценнейшими экспонатами, отображающими прошлое и настоящее города.

В Устюге довольно высоко развита и промышленность. Здесь имеются: известная далеко за пределами области щетинная фабрика, два судоремонтных завода, судостроительный, пивоваренный, ликёро-водочный, кирпичный, литейно-механический заводы, семь кустарно-промысловых артелей и много других мастерских и предприятий.

* * *

Чтобы попасть из Архангельска в Великий Устюг, надо проехать на пароходе до Котласа по красавице Северной Двине, в Котласе пересесть на небольшой паром местного сообщения и 60 км проехать по Малой Двине. Ранней весной в Устюг можно проехать и из Вологды паромом по реке Сухоне, протекающей по живописной местности. Зимой же надо доехать до Котласа по железной дороге и затем до Устюга ехать на автомашине или на лошадях.

Путешествие в Устюг по Северной Двине в период белых северных ночей само по себе представляет большой интерес и оставляет неизгладимое впечатление.

ЧЕРНЕНИЕ СЕРЕБРА

Черневые изделия в России известны со времён Киевской Руси. Уже в X веке серебряные изделия, украшенные черненым рисунком, являются довольно распространённым видом украшения. Так, в Гнездовских могильниках, близ Смоленска, относящихся к X веку, были уже обнаружены бляшки русской работы с фоном, заполненным чернью.

Большой интерес представляют собой находки в двух черниговских курганах, особенно в кургане, названном «Чёрная могила». Оба черниговских кургана относятся к периоду княжения великого князя киевского Святослава, то есть ко второй половине X века. В этих курганах были найдены: серебряные перстни с чернью, нож, украшенный красивой серебряной обоймой с чернью; серебряная окова большого турьего рога с резьбой и чернью – гладкой и тонкой работы, второй турий рог, большего размера, оправа которого чеканена мельчайшими пуансонами, фон оправы позолочен, накладные бляшки и фестоны по нижнему краю украшены чернью.

На большом турьем роге искусной рукой чеканщика выполнен замечательный фриз – сплошной пояс рельефных изображений чудовищ, птиц и людей. Центральное место отведено композиции, обращенной к лицу пьющего из кубка, из двух человеческих фигур и орла. На противоположной стороне размещён узел из двух крылатых чудовищ, соединённых между собой широким листом, вырастающим из их крыльев. На крыле одного чудовища сделан какой-то знак, который, возможно, является княжеским клеймом. По левую сторону изображено два вертикально стоящих дракона, кусающих друг друга. Хвосты их переплелись так же, как и крылья чудовищ. По сторонам драконов изображены два орла; под ногами правого орла изображены две собаки, которые не включены в переплетение орнамента. В правой стороне от чудовищ изображены волк и петух.

В кладе черниговского Спасского собора найдены два серебряных колта* [* Колт – женское украшение, спускающееся от висков иногда до плеч] с чернью, серебряные ясны для подвешивания колтов к головному украшению и два серебряных браслета с чернью и позолотой.

В кладах Киева, Райках, Житомирской области и других местах найдены диадемы, браслеты и пластинки с чернью, относящиеся к XI–XII вв., ныне хранящиеся в Киевском историческом музее.

Сама техника производства черневых изделий требовала от мастеров не только умения обращаться с серебром и золотом, но, в известной степени, и знания химии. Русские черневые и эмалевые изделия глубокой старины свидетельствуют о высоком совершенстве русского ювелирного искусства в древней Руси.

В технике черневого производства сначала широко применялась чеканка, но уже в XI веке появляется тиснение серебра для чернения на медных штампах-матрицах.

Тиснение заменило собой кропотливую чеканную работу и применялось при выработке колтов и других личных украшений. В XII веке рисунок, матриц постепенно усложнялся, а к концу века тиснением начинает заменяться не только чеканка, но и гравировка.

До конца XII века в черневых изделиях преобладал чёрный фон, на котором рельефно выделялись светлые фигуры. Наружные и внутренние контуры рельефных изображений очерчивались и разделявались резцом, так как тонкие листы не позволяли делать глубоких контурных линий. Появление же массивных литых вещей позволило вынимать резцами в металле узкие каналы для заполнения чернью. Постепенно исчезает контраст между чёрным фоном и белым серебряным, рельеф становится более плоским, часть фона освобождается от черни, но вместо этого чернь постепенно переносится внутрь светлых серебряных изображений, заполняет углубление контуров. Раньше для укрепления черни на предмете применялась насечка, позднее она не стала покрываться чернью и превратилась в орнамент фона.

В кладях XIII века мы видим применение нового способа чернения: рисунок наводится жирным черневым контуром на гладком блестящем серебряном фоне.

В курганах близ Никонова, Подольского района (Владими́ро-Суздальская Русь) обнаружены перстни, относящиеся к XIII веку, на которых звери и птицы изображены жирным чёрным контуром на белом серебряном фоне. Этот приём работы встречается и на киевских изделиях, но особенно тонкое исполнение его показали мастера Галицкой Руси.

Б. А. Рыбаков предполагает, что реформаторами черневого дела у нас были именно мастера Владимиро-Суздальской Руси. Они никогда не применяли сплошного черневого фона, даже на широких литых браслетах, а заменяли резкие контрасты более мягкими переходами.

Чернь готовилась из сплава серебра, свинца, красной меди, серы, поташа, буры и соли. После плавки состав растирался в порошок и для припуска разводился водой до получения кашицы. Серебряная пластинка для чернения подготавливалась чеканкой, тиснением, гравировкой или литьём с таким расчётом, чтобы фон был глубже по сравнению с самим рисунком. После этого фон процарапывался резцом для лучшего закрепления черни. Черневым составом (кашицей) замазывали все углубления пластинки и после этого пластинку ставили на жаровню – чернь на огне плавилась и крепко соединялась с серебром. Мастеру оставалось только подчистить изделие резцом.

В Киевской Руси черневое производство достигло высокого мастерства уже в X веке. Немецкий монах Теофил (X век) в своём трактате о технике художественных ремёсел, перечисляя страны, особо отличавшиеся или прославившиеся тем или иным видом искусства, пишет: «Если ты внимательно изучишь («Записку»), то найдёшь тогда... что в тщательности эмалей или в разнообразии черни открыла Руссия...»* [* Цит. по Б. А. Рыбакову. Ремесло древней Руси. А. Н. СССР, 1948, стр. 393]

Перечисляя страны, прославившиеся своими ремёслами, он после Византии на втором месте поставил Русь, затем Аравию, Италию, Францию и Германию.

Наши музеи располагают действительно первоклассными, мирового значения образцами черневого производства. Хотя эти вещи дошли до нас от времени с частично выпавшей чернью и с потемневшим серебром, и всё же по ним можно судить о том, насколько они были эффектны, и на каком высоком уровне находилась культура и техника русского мастерства в домонгольский период.

Расцвет русского ремесла был подготовлен всем предшествующим развитием Среднего Приднепровья, которое в VI– VIII веках было достаточно богатым и обладало самостоятельной культурой; в VIII веке оно обогатилось знакомством с культурой арабско-иранского Востока.

Б. А. Рыбаков пишет: «К IX–X векам в Киевской Руси уже существовало ремесло вотчинное, деревенское и городское. Доказательством существования свободного городского ремесла в IX–X веках являются равноправные погребения ремесленников на общегородских кладбищах (Шестовицы, Гнездово, Васильки, Михайловское). Можно считать уже выделившимися в то время ряд ремесленных специальностей, как, например: кузнецов, оружейников, бронников, ювелиров, гончаров, литейщиков, резчиков кости, а в конце X века эмальеров и стеклоделов».

Киев уже экспортирует русские ремесленные изделия (скань, серебро с чернью, эмаль и др.) в Чехию, Польшу и к балтийским славянам. В результате этого экспорта устанавливается влияние Киева, «соперника Константинополя», на ряд западнославянских областей. К этому времени относится и знакомство Германии с продукцией русских эмальеров и мастеров черни* [* Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. А. Н. СССР, 1948, стр.519-520].

Изделия из золота и серебра работы русских ювелиров XI–XII веков восхищали современников высокой техникой работы. Отголосок такого высокого мнения о технике русских ювелиров звучит в сказании о Борисе и Глебе (XII век), где описывается серебряный позолоченный киворий с их гробницы такими словами: «...и тако украсил добре, яко не могу сказати оного ухыщрения по достоянию довольне, яко многим приходящим от Грек и иных земель глаголати: «Нигде же сицея красоты бысть» ** [** История культуры древней Руси. А. Н. СССР, 1948, Домонгольский период, 1, Материальная культура, стр. 139].

Русские мастера применяли чернь только на серебре. Правда, в работах Забелина «Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст.» и «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст.» перечислены некоторые золотые предметы, покрытые черневым рисунком, но происхождение этих вещей неизвестно. Если русские мастера и применяли чернь для украшения золотых предметов, то только в очень редких и исключительных случаях, в основном же чернь применялась для украшения серебряных предметов. Известно, например, что московский купец Кункин после обучения черневому искусству у устюжского мастера Климшина в 1745 году представил в Сенат своей работы серебряные изображения евангелистов и золотой с чернью образ се, Елизаветы.

К XIII веку русское ремесло достигло высокого технического и художественного совершенства и русские во многом опередили западноевропейских мастеров.

Монгольское нашествие в корне подорвало многие художественные ремёсла Киевской Руси. Исчезло искусство перегородчатой эмали, скани и зерни. Исчезло и черневое производство, которым славились Киев, Чернигов, Суздаль.

В XIV –XV веках чернение серебра применялось редко. Лишь в XVI веке вновь черневые изделия появляются в быту; в XVII–XVIII веках чернение производилось в Оружейной Палате, Великом Устюге, Сольвычегодске; в XIX веке – в Великом Устюге, Сольвычегодске, Вологде, Казани, Ярославле; Туле, Петербурге, на Кавказе, в Сибири и в наше время – в селе Кубачи (Дагестан) и Великом Устюге, Вологодский области.

СЕВЕРНАЯ ЧЕРНЬ

Особой известностью среди русских художественных ремёсел, благодаря своей красоте и прочности, пользовалась и пользуется северная чернь по серебру. Как возникло, давно ли, или откуда заимствовано искусство чернения в Устюге Великом, лежащем на берегу далёкой северной реки Сухоны, точно неизвестно. Существовало лишь предание, что оно бытует здесь исстари. Поэтому исследователи могли лишь

высказывать, на основании косвенных данных, предположения о времени возникновения и источниках северной черни.

Особо следует остановиться на выводах Шипулина* [* Вол. губ. Вед. 1848. № 42] и принявшего их Шляпина** [** В. П. Шипулин. О финифтяной фабрике, существовавшей в городе В. Устюге в XVIII веке и о черненой на серебре работе. Записки Северо-Двинского о-ва изучения местного края, 1927, вып. IV]. Шипулин, а за ними Шляпин, некритически отнёсшийся к выводам Шипулина, представляют дело следующим образом. Во второй половине XVI века, после неудавшегося в Новгороде заговора боярско-феодальной партии против царя Ивана Грозного, часть новгородцев, боясь мести царя, бежала из Новгорода в отдалённые районы Руси. В «Летописи Великоустюжской» Л. Л. Титова (изд. Трапезникова, 1888) имеется под 1570 годом запись, говорящая, что новгородцы человек 60, «оставивше жительство своё Новград, странствовали по лесам, пустыням и непроходимым местам до толе, лонележе достигли... реки Лалы, в пустом месте течение своё продолжающей от Устюга на Сибирь в расстоянии 80 вёрст, и ту поселилися». Предположив, что беглые новгородцы селились и в самом Устюге Великом, Шипулин и Шляпин считали, что, принеся с собой на Север новгородскую культуру, новгородцы принесли и известные в Новгороде ремёсла и, в том числе, чернение по серебру, которое могло быть завезено в Новгород из входивших в Ганзейский союз* [* Ганза, или Ганзейский союз, – торговое объединение городов средней и северной Европы. Ганза стремилась захватить в свои руки всю внешнюю торговлю северных русских городов и Великого Новгорода в особенности] городов, с которыми Новгород вёл постоянную торговлю, и новгородцы часто бывали там.

Однако предположения Шипулина и согласившегося с ним Шляпина как о заимствовании новгородцами черневого искусства от Ганзейских городов, так и о переносе ими его в далёкий Устюг не отвечают действительности. Нет никаких оснований считать, что это искусство завезено в Устюг новгородцами, заимствовавшими будто бы его в свою очередь у немцев, и вот по каким причинам.

Прежде всего, самая запись в Летописи требует к себе очень осторожного подхода потому, что событие, записанное под 1570 г., внесено в более ранний «Летописец», ведшийся в Успенском соборе священником Вологдиным, в 1780 г. Каким источником пользовался Вологдин, сделавший запись под 1570 г., спустя 210 лет после упомянутого события, нам неизвестно. В ещё более же раннем летописном своде, так называемом Архангелогородском летописце, начала XVI века, такой записи нет. Уже это одно вызывает сомнение в достоверности самого события.

Но если даже и признать действительность такого сообщения, то, прежде всего, материалы Новгородского музея не подтверждают выводов Шипулина и Шляпина. В Новгородском музее имеется всего несколько экспонатов черневого искусства и то не местного происхождения. Раскопки последних лет в Новгородском кремле никаких находок, подтверждающих существование черневого производства в Великом Новгороде, не дали. Следовательно, если допустить, что в Новгороде и было в какой-то степени черневое производство, то оно было столь незначительных размеров, что не оставило никаких вещественных следов.

Не могли новгородцы и заимствовать его за границей. В свете последних исследований можно утверждать, что, наоборот, Новгород перепродавал ганзейским и другим иностранным купцам русские эмалевые и черневые изделия.

Заимствовать новое, такое сложное по технологии ремесло, как чернение, это значит не только приобрести какое-то количество изделий, но и усвоить технику производства, научиться составлять и готовить состав черни, производить припуск её к изделиям. Для этого требуется довольно продолжительное время не только

теоретической, но и практической подготовки, изучения всей технологии производства. Трудно даже представить себе, чтобы ганзейские купцы и ремесленники неизвестно ради чего передали бы такой ценный производственный секрет, как состав черни, и в течение многих месяцев обучали ему русских мастеров.

Вероятнее всего чернь в Устюг, ставший в середине XVI века столбовой торговой дорогой из Москвы на Сибирь, Северную Двину и в Поволжье, попала сюда из городов, славившихся чернью во времена Киевской Руси – из Киева, Чернигова и Владимира Суздальского, Смоленска или даже из самой Москвы, где к XVI веку черневое искусство достигло большой художественной выразительности.

Существует мнение, что черневое производство в Московской Руси могло возникнуть в связи с заездом сюда заморских мастеров.

Действительно иностранные мастера весьма охотно с целью наживы ехали в Россию. Но в большинстве своём это были малоподготовленные люди, а ещё чаще – просто авантюристы, которые ничему научить не могли. Хорошие же специалисты не были заинтересованы в передаче знаний русским. В стремлении сохранить своё положение в России они ревниво охраняли свои, даже ничтожные, производственные секреты и больше всего боялись русских учеников. Олеарий в своём «Описании путешествия в Московию» (1656) утверждает, что «тот, кто желает в ремесле удержать за собой какие-нибудь особые знания и приёмы, никогда не допускает русских к наблюдению». Ещё раньше поляк Маскевич, живший в Москве во время польской интервенции в начале XVII века, раскрывает причины этой боязни иностранцев русских учеников: «Все русские ремесленники превосходны, очень искусны и так смышлѣны, что всё, чего с роду не видывали, не только не дельвали, с первого взгляда поймут и сработают столь хорошо, как будто с малолетства привыкли». Поэтому нет никаких оснований утверждать, что иноземцы посвятили русских в столь сложное производство, как черневое.

Некоторые краеведы утверждают, что черневое производство в Устюг перешло из Сольвычегодска, куда оно было завезено именитыми людьми Строгановыми из Новгорода. На чём же основывают они своё мнение? Кроме того, что Строгановы насаждали у себя всякие художественные ремѣсла, и устюжане, приезжая в Сольвычегодск на ярмарки, видели черневые изделия и вывозили их в Устюг – других оснований для утверждения о завозе черневого ремесла в Устюг из Сольвычегодска нет.

Кроме того надо иметь в виду, что Устюг гораздо старше Сольвычегодска, возникновение которого относится к XIV веку. У Устюга существовали старые связи со всеми древними городами Руси и прежде всего с Москвой, и он был крупным торговым городом вплоть до конца XVII века. Нет никакого сомнения, что в Устюге могли селиться различные мастера, потом перекочѣвывавшие в Сольвычегодск для временной или постоянной работы, в зависимости от обстоятельств и условий. Во всяком случае, нам неизвестно ни одного случая, когда бы сольвычегодские мастера по черни работали в Устюге, в то время как имеются точные сведения о том, что устюжские мастера по черни работали в Сольвычегодске.

Историк города Сольвычегодска Соскин пишет о двух мастерствах, процветавших в Сольвычегодске, – серебряно-сканом и финифтяном. Так, обсуждая герб города, он пишет: «...можно б частию к преподанию означения герба положить продолжающиеся через многие года во оном городе знатные ремѣсла: серебряное, сканое и финифтяное с серебряною и золотою басмяною накладкою, в деле разных вещей кои ремѣсла и ныне не малою частию производятся...» (Вологодские епархиальные ведомости за 1882 г. № 4). Приведѣм еще и такой факт. За руководство сольвычегодскими мастерами шла борьба между Сольвычегодским магистратом и Великоустюжской провинциальной канцелярией. 7 сентября 1759 г. Великоустюжская

провинциальная канцелярия требовала от Сольвычегодского магистрата передать в её ведение находящиеся в Сольвычегодске «финифтяного, серебряного и протчаго мастерства мастеров для его защищения и содержания и размножения и приведения того художества в наилучшее совершенство, употребляя для того пристойные способы». Московский главный магистрат притязания Устюга отклонил и приказал находящиеся в Сольвычегодске серебряных и финифтяных дел мастеров и сольвычегодских купцов содержать в Сольвычегодском магистрате* [* Сборник Оружейной Палаты, М. 1925, стр. 106].

Примечательно, что ни историк Соскин, ни устюжская провинциальная канцелярия, ни Московский главный магистрат, перечисляя существовавшие и существующие в Сольвычегодске ремёсла, не упоминают такого знатного ремесла, как чернение серебра. Очевидно, для Сольвычегодска оно не было таким знатным и занимало второстепенное место.

Что касается утверждения, что чернение было завезено в Сольвычегодск Строгановыми из Новгорода, то оно нам кажется несостоятельным. Строгановы стали известными ценителями изделий художественных ремёсел в XVI веке. Новгород Великий почти за сто лет до того, как художественные ремесла появились в Сольвычегодске (с 1478 г.), потерял своё значение и как соперник Москвы и как крупный торговый центр.

Возникновение художественных ремёсел в Сольвычегодске совпадает с периодом расцвета прикладных искусств в Москве, с которой Строгановы были всегда тесно связаны. Поэтому скорее можно утверждать, что художественные ремёсла в Сольвычегодск были перенесены не из Новгорода, в котором черневое производство, вообще, никогда не было развито, а из Москвы, где уже с 1500 года действовала Оружейная палата – центр художественных ремёсел.

Когда в 1744 году вызывали в Москву мастеров для восстановления этих ремёсел, то мастера по черни вызвали не из Сольвычегодска, а из Устюга, а мастера по финифти из Сольвычегодска, а не из Устюга (хотя в Устюге в своё время существовала даже финифтяная фабрика). Это несомненное свидетельство того, что Устюг являлся старым и известным центром черневого ремесла, что оно в Устюге возникло куда раньше, чем в Сольвычегодске, и что черневое искусство завезено в Устюг не из Сольвычегодска, а наоборот – из Устюга в Сольвычегодск устюжскими мастерами-отходниками.

Первое официальное упоминание об устюжской черни относится к середине XVIII века. 4 августа 1744 года в журнал Главного магистрата была внесена запись обсуждения состояния серебряного, черневого и финифтяного дела в Москве. В журнале было записано:

«В собрании имели рассуждение, что в Москве серебряного, черневого и финифтяного дела мастеров не имеется, а обретаются ныне в Москве Устюга Великого купцы, ларечный Василий Иванов сын Бабкин, целовальник Александр Иванов сын Кушеварской сказкою объявили, что означенного черневого мастерства в Устюге Великом есть жители оного города Устюга Великого купцы Михайла да Андрей Матвеевы дети Климшины, но из которых Михаил лучший мастер; Осип Васильев сын Малаков (который ныне живёт за своими нуждами у города Архангельского); да Соли Вычегодской воеводской канцелярии подъячей Иван Семёнов сын Моисеев объявил о мастерах финифтяного мастерства у Соли Вычегодской посадские люди Яков да Леонтий Григорьевы дети Поповы, да Леонтей Фёдоров сын Попов же, из которых Яков лучший мастер, да черневого мастерства купец Устюга Великого Никита Иванов сын Буравкин, который жительство имеет в Соли Вычегодской. Приказано из вышеуказанных лучших мастеров, а именно черневого мастерства из Устюга Великого

Михайла Матвеева сына Климшина, финифтейного – из Соли Вычегодской Якова Григорьева сына Попова взять в Москву на время для обучения оного мастерства московских жителей из купечества серебряного мастерства и о высылке оных из тех мест в Главный магистрат на срок по генеральному регламенту»* [* ЦГАДА, дела Главного магистрата, в. 31, д. 862. Цит. по сборн. «Труды Государственного исторического музея», вып. XVIII, Москва, 1947, стр. 54].

31 января 1745 года Климшин и Попов были высланы в Москву вместе со всеми своими инструментами.

Из этой записи в журнале явствует, что в Москве в XVIII веке уже не было хороших мастеров серебряного, черневого и финифтяного дела. Мы объясняем это только тем, что с переносом столицы из Москвы в Петербург все лучшие мастера переехали в новую столицу, а оставшиеся в Москве второстепенные мастера, не находя сбыта своей низкокачественной продукции, постепенно перестали работать или также выехали в другие города. Однако спрос на высококачественные серебряные, черневые и финифтяные изделия, видимо, был, что и побудило Главный магистрат принять меры к восстановлению этих ремёсел в Москве.

Предприимчивый московский купец 1-й гильдии Василий Кункин решил захватить эти производства в свои руки. 12 марта 1745 года Кункин подал в Главный магистрат челобитную, в которой просил «об отдаче ему мастеров черневого и финифтяного дела Михайла Климшина и Якова Попова, которые присланы в Москву для обучения здесь купеческих детей». Он обещал за это: «А понеже того мастерства обучиться и возобнови здесь оное производить желаю я, именованный, для того я с оными мастерами... между собой письменно обязались, чтоб мне их здесь, покуда обучают, содержать на своём коште и сверх того дать за то им награждение; токмо к тому черневому делу потребны серебряные резчики, которых у меня не имеется, а есть в Москве того дела искусные московские 3-й гильдии купецкие люди Алексей Степанов сын Фрязин, Егор Андреев сын Колупаев и оные люди подлые, домов и торгов своих не имеют, а находятся в работах у других серебряников, который оной черневой мастер Матвеев (Михайла Матвеев Климшин. – Ж.Р.) по договору моему, резному делу на моём же коште будет обучать совершенно. И дабы ... повелено было означенных купецких детей для оного обучения и произведения резного дела отдать мне на такое время, пока я своих учеников рисовать и действительно тому своему резному делу обучу, а именно не менее десяти лет, а я оных буду содержать и квартирою и пропитанием на своём коште и сверх того имею платить подушные деньги и им давать каждому на год на одежду и на прочее заработанных денег по 50 рублей на год, выключая из того за те дни, в которые они работают (кроме торжественных, воскресных и праздничных дней, в кои обычно работы не бывает) не будут». Для себя же он просил: «Только б как меня, так и их, для возобновления здесь в Москве оных серебряного, черневого и финифтяного дела мастерства повелено было на объявленное время от служб уволить»* [* Труды Государственного исторического музея, вып. XVIII, 1947 стр. 55].

Кункину разрешили взять выписанных мастеров, а также на десять лет двух московских мастеров. Магистрат обязал Кункина «за ними смотреть прилежно, чтоб они в произвождение того резного дела тщание и прилежность имели. Буде же они не прилежат и которые дни (кроме праздников. – М.Р.) прогуляют, то за те прогульные дни из принадлежащей платы вычитать по расчёту за каждый день вдвое»** [** Там же, стр. 55-56].

Климшин и Попов обучали черневому и финифтяному делу купца Кункина около 9 месяцев и 20 декабря 1745 года подали в Главный магистрат прошение о разрешении им уехать на родину, так как они обучение Кункина мастерству уже закончили. Кункин подтвердил, что мастер Климшин черневому делу его обучил «в совершенстве» и в

доказательство представил, черневую табакерку собственной работы. 30 декабря Климшину был выдан паспорт на выезд в Устюг.

По заявлению же Кункина Попов финифтяному делу его не обучил и потому обратно он не был отпущен.

Видимо, Кункин хорошо усвоил устюжское черневое производство. Высокое техническое исполнение и качество состава черни позволили ему добиваться монополии в Москве на производство церковных предметов из серебра и золота.

Он представил для сопоставления старые изделия и изготовленные им серебряные изображения евангелистов и золотой с чернью образ св. Елизаветы. Сенат признал работу Кункина «весьма искусной», а работу других мастеров самой простой и низкокачественной. В это время в серебряном цехе в Москве было записано только 6 мастеров, которые не могли состязаться с Кункиным, учеником устюжанина Климшина. Кункину была дана монополия на производство предметов церковного обихода в Москве.

Факт вызова Климшина в Москву для восстановления черневого производства говорит о том, что ещё в первой половине XVIII века устюжская чернь была самой лучшей.

До сих пор ещё жива легенда о передаче секрета состава черни «из рода в род» и, как правило, «на смертном одре». Приводимый в конце нашей работы перечень мастеров по черни и помещаемые в главе «От фабрики Поповых до мастера Чиркова» выдержки из договоров между мастерами и учениками совершенно опровергают легенду о передаче секрета «из рода в род». Старые мастера охотно принимали к себе учеников со стороны. Многие видные мастера были в обучении у мастеров, не состоявших с ними в родстве. Случай, что последний из старых мастеров М. П. Чирков находился в родстве с мастером Кошковым, ни в коем случае не может служить основанием для утверждения о передаче секрета «из рода в род».

Ещё менее правдоподобна легенда о передаче секрета состава черни «на смертном одре». Трудно представить себе человека, который бы был в состоянии за несколько часов, а может быть и минут до смерти передать «секрет» черни, как трудно представить себе и такого преемника, который в момент прощания с умирающим близким человеком был в состоянии усвоить рецепт и способ приготовления состава. Известно, что для освоения рецепта и состава черни требуется не несколько часов, а несколько месяцев.

Обращает на себя также внимание и утверждение Ивана Евдокимова, что «основоположником и изобретателем устюжского чернения по серебру был устюжанин Жилин, живший в конце царствования Елизаветы, около половины XVIII столетия» * [* Ив. Евдокимов. Север в истории русского искусства. Вологда, 1921, стр. 125–162] и что секрет черни хранился в роду Жилиных, затем был передан Кошкову и от него уже перешёл к мастеру Чиркову.

Основоположником и изобретателем устюжского чернения Иван Евдокимов, вероятно, считает Ивана Петровича Жилина, бывшего головой устюжской ремесленной управы в 1786 году. Последний раз этот Жилин был записан в окладных ведомостях в 1811 году.

Утверждение Евдокимова, что секрет черни хранился только в роду Жилиных, – не отвечает истине. Из приведённого ниже списка мастеров видно, что одновременно с Жилиным черневым производством занимались и, следовательно, знали состав черни, мастера Климшин, Малаков, Буравкины, Неводчиков, Гуцины, Моисеев (Мосеев) и другие. Из них, как мы писали выше, Климшин Михаил Матвеевич в 1745 году был вывезен в Москву для обучения черневому искусству московских мастеров. Следует

отметить, что бывшие в Москве устюжане называли предпочтительно Климшина, а не Жилина.

Таким образом, Жилины не являлись единственными обладателями «секрета» черни. Неверно также и то, что Кошков получил секрет от Ивана Петровича Жилина. Первый известный нам из рода Кошковых мастер по черни – Иван Алексеевич Кошков в 1798 году, 16 лет, поступил учеником на три года к мастеру черневого производства Якову Герасимовичу Моисееву. Следовательно, Кошковы получили секрет черни не от Жилиных, а от Моисеева, хотя последний мастер из рода Кошковых – Михаил Иванович учился у Жилина, но только не у Ивана Петровича, а у его сына Александра Ивановича. Надо полагать, искусство чернения было в Устюге известно давно и давно не было секретом какого-то одного мастера, а вернее, было производственным секретом данной профессии.

На основании приведённых исторических справок можно сделать определённый вывод об истоках устюжской или «северной» черни. Искусство черни в Устюг было завезено из какого-то древнего русского города, но не из Новгорода.

Развитию черневого производства в Устюге способствовало то, что Устюг, будучи до конца XVII века центром, в котором скрещивались торговые пути на Сибирь, получал большое количество сибирского серебра и серебра, добываемого на Цыльме. В Устюге были специальные лавки для торговли серебром, то есть основным сырьём, которое необходимо для развития черневого производства. Таким образом, в Устюге существовала прекрасная сырьевая база для развития черневого производства. Здесь были все условия для сбыта черневых изделий, что также способствовало в огромной степени развитию черневого искусства. Только этим и можно объяснить, что здесь черневое искусство получило такое широкое развитие.

Устюжане были деятельными, энергичными людьми. Состав черни, когда-то завезённый сюда из какого-то русского города (вернее всего из Москвы), несомненно, в течение длительного существования здесь этого искусства постепенно совершенствовался устюжскими мастерами и достиг такого замечательного цвета и «вечной прочности», что северная чернь стала широко известна не только у себя на родине, но и далеко за её пределами.

ФИНИФТЯНАЯ ФАБРИКА ПОПОВЫХ

Финифтью называется стекловидная непрозрачная эмаль. Эмаль на Руси носила название: «химипет», «хинипт» и в позднейшее время «финифть», от греческого слова «chineuton».

Русские эмали благодаря яркости красок, умелому сочетанию тонов, тонкости рисунка, прочности и тщательности работы пользовались заслуженной славой, а эмалевые изделия XI – XIII веков являются лучшими в мире.

Эмалью, или финифтью, украшались главным образом золотые предметы, так как золото отличается легкоплавкостью и ковкостью. Но немало использовалась для финифтяных изделий и красная медь, также легкоплавкая и ковкая, но более дешёвая, чем золото.

К середине XVIII века Устюг обладал достаточным количеством мастеров по финифти и чернению серебра, чтобы можно было создать здесь уже довольно крупное фабричное производство финифтяных и серебряных под чернью изделий. Спрос на эти изделия со стороны императорского двора и знати был очень значительным. Это и побудило предприимчивых устюжских купцов братьев Афанасия и Степана Поповых просить устюжский провинциальный магистрат разрешить им открыть специальную

фабрику изделий из меди, крытых цветной эмалью-финифтью, и серебряных изделий под чернью.

По полученному 9 марта 1761 года указу мануфактур- коллегии

«велено... оным Поповым в том городе, в домах их, финифтяную фабрику завести и производить позволить. И на оной финифтеный на меди с наводкою серебром и золотом травами, да черневой на серебре обронной всякий курьёзный вещи, какии из-за моря вывозятся, делать самым искусным мастерством, чтоб от умножения того дела мастеровые люди совершенному в том искусству обучиться могли, а объявленная в челобитье их государственная и народная польза последовать могла... А понеже таковой фабрики до ныне никем заведено ещё не было, а означенный Поповы к заведению оной явились первый, а по Регламенту мануфактур-коллегии повелено, который мануфактуры и фабрики производить похотят, надлежащими привилегиями снабдить. Да и по указу 731 года повелено кто вновь знатную и государству полезную фабрику, или завод заведёт, такому от служб давать увольнение, первому фабрикану и заводу, а другим, кои после такую ж фабрику заведут, увольнения в службах не чинить.

«Того ради, в силу одного Регламента и указов, их Поповых с детьми, кои с ними в одном доме живут, от всех купецких служб, тако ж и двор его, где та фабрика производиться будет... от постою и полицейских служб... кроме караулов и беганьи на пожары, уволить и судом и расправою, кроме государственных и криминальных дел, с прикащиками и с мастеровыми, и работными людьми, ведать их в мануфактур-коллегии. А дабы та фабрика удобнее заведена быть могла... к той фабрике на первый случай людей без земли мужска полу двадцать душ, а женска сколько при них обретаться будет, купить позволить, которых им, Поповым, по покупке употребить в работу ко обучению в той фабрике надлежащему мастерству. На ту фабрику, ежели пожелают а мастеровый и работный люди, принимать свободных, то принимать с настоящими пашпортами со уговором достойной платы, объявляя об них в Великоустюжской провинциальной канцелярии, а беглых отнюдь не принимать, о чём и вам, Поповым, дать с прочётом указ и куда надлежит сообщить»* [* В. П. Шляпин. О финифтяной фабрике, существовавшей в г. В. Устюге в XVIII веке и о черневой на серебре работе. Записки Северо-Двинского общества изучения местного края, вып. IV, В. Устюг, 1927, стр. 84].

После получения разрешения Поповы открыли фабрику в своем доме, по-видимому, во второй части гор. Устюга. Но наводнением в 1762 году земля Поповых была снесена. С согласия устюжских провинциальной и межевой канцелярий взамен снесённого участка для дворов и фабрики Поповых был отведён новый земельный участок размером в 1 дес. 825 квад. саж. из дач Архангельского монастыря, села Леонтьевского и деревни Деревеньки.

На этом участке, не входящем в городскую черту, но удобном для дальнейшего расширения города, Поповы и построили свой дом и здание фабрики.

Фабрика Поповых просуществовала пятнадцать лет. 29 сентября 1776 года во время большого пожара она сгорела. Поповы от этого пожара понесли большой урон, обеднели и стали несостоятельными. Финифтяная фабрика больше не возобновлялась. Земельный участок под фабрикой позднее был застроен обывательскими домами.

Почти не сохранилось документов о работе финифтяной фабрики Поповых. Пожалуй, высказывание академика Лепёхина, посетившего фабрику через десять лет после её открытия, является единственным свидетельством современника о ней.

Сколько работало человек на этой фабрике – точно неизвестно. Через двадцать восемь лет после пожара фабрики, в 1804 году, на запрос вологодского губернатора, были ли куплены фабрикой 20 душ мужского пола, разрешённые указом, Устюжская

городская дума не смогла дать исчерпывающего ответа. Она только сообщила, что на фабрике работало вольнонаёмных и обучающихся на черневых работах до 20 и на финифтяных до 10 человек. При сборе сведений о купленных «душах» выяснилось, что владельцы фабрики вскоре после пожара умерли. Могли быть какие-либо сведения об этой фабрике у сына Афанасия Попова, устюжского мещанина Ивана Попова, проживавшего в своей деревне Петровщине. Но на вызов думы Попов по болезни не явился, а сообщил, что никаких документов о финифтяной фабрике у него нет.

По данным же губернской канцелярии, в 1773 году значился один человек, приписанный к фабрике. Городская дума сообщила, что в ревизских сказках всех бывших ревизий* [* Ревизии – переписи податного населения. Первая ревизия была установлена Петром I в связи с тем, что вместо земли и двора предметом обложения различными податями стала «душа», т. е. мужское население. Всего было произведено с 1719 по 1850 г. 10 ревизий. Особое описание каждого хозяйства носило название «ревизской сказки»] приписанных к фабрике Поповых душ не значится.

Очевидно, сведения Устюжской городской думы надо считать более достоверными, так как их отделяет от момента прекращения деятельности фабрики 28 лет и в думе (да и в городе) могли быть ещё люди, помнившие фабрику Поповых. Однако сведения о количестве работавших на фабрике ею тоже даны неточные – дума сообщает не какое-либо число, а неопределённо «до 20» на черневых работах» и «до 10» на финифти».

Из переписки вологодского губернатора и устюжской городской думы о фабрике Поповых можно сделать только тот бесспорный вывод, что на фабрике Поповых работали только наёмные рабочие, а не приписные или купленные.

Кроме этой переписки никаких других документов о фабрике нет, как нет, кроме записи академика Лепёхина, никаких свидетельств о ней современников. Дальнейшие сведения о фабрике появляются значительно позже того, как она прекратила своё существование, и многие из них являются лишь домыслами авторов, не ссылающихся ни на какие источники. Так, в 36 и 37 номерах Вологодских губернских ведомостей за 1885 год (через 109 лет!) сообщается, что на фабрике Попова работало до 70 мастеров. Но автор не сообщает, откуда он взял эту цифру (70 мастеров!). Из нашего дальнейшего изложения видно, что такой большой цифры количество мастеров на фабрике никогда не достигало. Поэтому мы считаем, что автор без оснований завысил число мастеров, и следует считать, что число, названное городской думой, – 30 – наиболее точно определяет положение с рабочей силой на этой фабрике.

Точных данных о размере производства фабрики также не сохранилось. Но на основании данных устюжской городской думы о числе мастеров, работавших на фабрике, можно сделать вывод, что в продукции фабрики преобладали черневые изделия, так как по данным думы мастеров по черни работало в два раза больше, чем мастеров по финифти. Значит, если считать стоимость черневых и финифтяных изделий на одном уровне, то можно условно принять, что и черневой продукции вырабатывалось фабрикой в два раза больше.

Но кроме этого ещё необходимо учесть, что серебряные черневые изделия и по ценности самого сырья (серебро дороже красной меди) стоили дороже финифтяных, а если учесть ещё, что и состав черни стоил также дороже простой стекловидной эмали (в состав черни также входит серебро и дорогие химикаты) и что трудоёмкие гравёрные работы по серебру ценились очень дорого, то можно сделать вывод, что удельный вес черневых изделий по стоимости был ещё выше и что финифтяные изделия занимали незначительное место в общей валовой продукции фабрики.

По данным за 1773 год, финифтяная фабрика выпустила всей продукции на 1635 р. 94 к.* [* Т. Н. Тихомирова. Устюжские эмали XVIII века с серебряными накладками.

Труды Государственного исторического музея, вып. XIII, 1941, стр. 191, 216]. В эту сумму вошла стоимость как финифтяных, так и серебряных черневых изделий. Примем условно, что вся продукция фабрики за 1773 год состояла из черневых изделий, и фабрика продавала эти изделия по 50 коп. за золотник, согласно сообщению академика Лепёхина, то значит за этот год она переработала серебра только 3272 золотника, или немного больше 34 фунтов.

А в 1840 году девять устюжских мастеров за год переработали серебра 1 пуд 38 фунтов 29 золотников. По сообщению «Вол. губ. ведомостей» (1846 г. № 18), половина всего серебра, перерабатываемого в Устюге, расходовалась на черневые изделия, а вторая половина шла на разные поделки (чеканные работы по серебру и производство других серебряных предметов без чернения). Таким образом, за 1840 год было переработано девятью мастерами на черневые изделия немного меньше пуда, а двадцатью мастерами фабрики Поповых всего только 34 фунта, или почти на 6 фунтов меньше, хотя мастеров работало больше чем вдвое.

Если сравнить эти данные, то станет ясно, какое ничтожное количество серебра было переработано на фабрике Поповых при наличии 20 мастеров, не говоря уже о 70 мастерах, как утверждали «Вол. губ. вед.» за 1885 год. При работе 70 мастеров выходит, что каждый из них за год переработал только 47 золотников на сумму 23 р. 70 к. в год!

Что касается качества изделий фабрики, то живой свидетель, посетивший фабрику на десятом году её существования, академик Лепёхин так отзывался о качестве изделий фабрики Поповых:

«Вообще об устюжанах сказать можно, что они рачительны и склонны не только к купечеству, но и к рукодельям: доказывает то финифтяная и серебряная черневая и обронная фабрика, которая с немалою выгодой работу свою отправляет. Но только при ней то сказать остаётся, что финифть не только не чиста, но и шероховата... Черневую работу заводчик считает за тайну, однако всяк, зная химические основания, легко её угадать может: она состоит из свинцу, меди и серебра, которые помощью серы претворяются в тот род руды, которую минерологи стекловатую серебряную руду называют. Такая черневая работа на позолоченной поверхности имеет хороший вид; но то сожалительно, что не достаёт хорошего рисовальщика, и устюжская черневая работа весьма грубые представляет фигуры. Впрочем сделанные вещи продаются высокою ценою, то есть по 50 копеек золотник»* [* Лепёхин, акад. Полное собрание учёных путешествий по России. СПб. 1822, т. V, стр. 277-278].

Итак, очевидно в самый расцвет деятельности этой фабрики чувствовалось отсутствие «хорошего рисовальщика», и изделия фабрики по рисунку были грубы; но они хорошо расходились, хотя и продавались по довольно высокой цене. Значит, спрос на эти изделия был большой.

«Вол. губ. вед.» в №17 за 1839 год о фабрике Поповых сообщают, что «главным мастером фабрики был мастер Моисеев, который славился хорошою отделкою серебряных вещей». Это сообщение вызывает некоторое сомнение. По имеющимся документам, в Устюге был только один мастер Моисеев – Яков Герасимов, который в течение шести лет, с 28 марта 1789 г. по 28 марта 1795 г., то есть в то время, когда фабрика Поповых уже не существовала, учился по договору серебряному делу у мастера Ивана Попова; о каком-либо другом Моисееве нам неизвестно.

Несколько слов о качестве устюжских черневых изделий. «Вол. губ. вед.» за 1839 год сообщают, что устюжская черневая работа обращает на себя внимание крепостью самой черни, довольно правильной отделкою фигур, что требует от мастеров навыка к рисованию, приобретаемого с детства, и твёрдой руки для гравировки.

По нашему мнению, отзыв о качестве черневых изделий акад. Лепёхина оставался в силе и для изделий XIX века. Постепенное сокращение сбыта изделий

объясняется не только падением спроса на черневые изделия, но и тем, что рисунок не совершенствовался, что в отношении рисунка черневое искусство вперёд не продвигалось и оставалось на уровне усвоенного грубого рисунка. Вообще об устюжских черневых изделиях прошедших веков надо сказать, что они отличались хорошей гравировкой, красивой прочной чернью и одновременно грубоватым рисунком и слабой ювелирной работой. Устюжские мастера были хорошими гравёрами, но слабыми художниками, и потому они работали или по давно устаревшим рисункам или заимствовали их из книг.

Возвращаясь к вопросу о фабрике Поповых, мы должны сказать, что, к сожалению, больше никаких сведений об этой фабрике нам найти не удалось. Крайне интересный вопрос об организации фабрики, о составе и быте рабочих и их заработках на этой одной из ранних провинциальных фабрик в России остаётся открытым. Нет даже и черневых работ с клеймом её. Судя по литературным высказываниям, на этой фабрике были прекрасные мастера. Так, Арсеньев* [* Ф. А. Арсеньев. Очерк кустарных промыслов, Вологда, 1882] относит к ним мастеров Ивана Жилина, Петра Жилина, Островского и Гущина. Упоминается также главный мастер этой фабрики Моисеев.

Правда, вопрос о работе на фабрике Моисеева и Островского стоит под большим сомнением. Известный нам мастер по черни Островский Иван Александров в 1821 году имел 60 лет от роду, значит, в год ликвидации фабрики ему было не больше 15 лет и трудно предполагать, что в то время он был уже видным мастером на фабрике. О версии, что главным мастером был Моисеев, мы уже касались несколько выше.

Судя по прилагаемому в конце настоящей работы перечню устюжских мастеров, на фабрике Поповых могли работать такие мастера, как Сидоров Роман Васильев, Бушков Яков Алексеев, Гущин Михаил Алексеев, Гущин Алексей Васильев, Гущин Василий Михайлов, Молоков Степан Степанов, Жилин Иван Петров, Пётр Жилин.

Арсеньев в упомянутой работе делает смелый и совершенно необоснованный вывод, что «мастера же и подмастерья, за закрытием фабрики, разбрелись и на захваченное хозяйское добро открыли свои мастерские». Это незаслуженное и необоснованное обвинение устюжских мастеров в хищении хозяйского добра. Пожар мог уничтожить фабрику со всеми инструментами и материалами, а для открытия своих мастерских требовалось уж не так много различного оборудования, серебро же и прочие материалы мастерам поставляли сами заказчики. Обвинять мастеров только на основании слухов и через 116 лет после пожара фабрики, по меньшей мере, смело.

На основании приведённых выше косвенных данных мы можем с вероятностью утверждать, что фабрика Поповых содействовала развитию черневого ремесла в Устюге, воспитав за 15 лет своего существования ряд хороших мастеров, которые потом работали самостоятельно.

ОТ ФАБРИКИ ПОПОВЫХ ДО МАСТЕРА ЧИРКОВА

Финифтяная фабрика Поповых, которую по праву можно считать черневой фабрикой, закончила своё существование в 1776 году. Большинство мастеров, работавших на этой фабрике, по-видимому, остались в Устюге и продолжали работать «сами собой» или с учениками. Часть их ушла на заработки в другие города, где они работали мастерами по серебру и черни или занимались другими делами, не имеющими никакого отношения к серебряному цеху, и только временами возвращались к своему родному делу.

К сожалению, мы не располагали подробными данными об отходничестве устюжских мастеров в другие города, но что такое отходничество среди различных ремесленников Устюга практиковалось с давних пор, не подлежит сомнению.

Что касается мастеров серебряного цеха, то нам известно, что ещё в 1745 году устюжский мастер по черни Михаил Неводчиков (участник экспедиции Беринга) составил карту островов Атту, Агатту и др., которая в 1751 году была представлена в Сенат. Знание гравёрного для черни дела помогло Неводчикову начертить эту карту. Неводчиков вывез с острова Атту алеутского мальчика Томиака, которого обучил русскому языку. В своей книге «Хронологическая история открытия Алеутских островов, или подвиги российского купечества» (СПБ, 1823) В. Берх пишет, что Лапин показывал ему табакерку работы Неводчикова. Неводчиков именно был таким устюжским мастером, который ушёл на сторону искать «фортуны» и оказался в числе русских землепроходцев.

Мастер серебряного цеха Лев Афанасьевич Пестерев в 1791 году устюжской ремесленной управой был исключён из списка, как переехавший на жительство в Вологду. Александр Семёнович Гушин в 1834 году был исключён из списков серебряной управы Устюга за выбытием в Архангельск. Устюжские мастера Залесов и Гороховский в 1828 году, а Хохлев в 1834 году переехали на жительство в Петербург, где и работали по серебру, а мастер Моисеев в 1816 году переехал на жительство в Вологду, где и работал черневые изделия.

Таких случаев было немало.

* * *

Устюжская серебряная управа была открыта 17 февраля 1786 года. В то время головой устюжской ремесленной управы был известный мастер черногого производства Иван Петрович Жилин, и ему принадлежала честь открытия серебряной управы.

Записи серебряной управы и пробирной палатки позволяют нам привести некоторые неполные сведения о количестве мастеров и выпускаемых изделий. Так, по сведениям серебряной управы мастеров серебряного цеха значилось:

1792.....39	1821.....43
1793.....40	1828.....43
1794.....40	1830.....27
1801.....40	1833.....26
1804.....40	1840.....23
1807.....31	1857.....24
1811.....36	1860.....20
	1880.....20

По данным местной пробирной палатки, в 1817 году было мастеров по серебру 29 и ими переплавлено серебра 1 пуд 31 фунт, в 1822 г.– мастеров 16 и серебра переплавлено $2\frac{1}{3}$ пуда. Это количество мастеров повторяется до 1837 года* [* Ф. Л. Арсеньев. Очерк кустарных промыслов. Вологда, 1882].

Однако далеко не все они были мастерами по черни, некоторые из них были чеканщиками, другие занимались золочением, чинили ломаные серебряные вещи, так как чеканщики и золотых дел мастера также входили в серебряный цех. В пробирной палатке регистрировались только те мастера, которые представляли для проверки переплавленное ими серебро, и потому здесь отмечались далеко не все мастера. В то же время занимавшиеся в какой-то степени серебряным производством не все были зарегистрированы и в серебряной управе; некоторые из них не были записаны в серебряный цех только потому, что не постоянно занимались этим производством, хотя они и были мастерами по серебру.

Тем более не следует считать, что все мастера, записанные в серебряный цех, занимались черневым производством и знали состав черни. Материалы серебряной управы позволяют утверждать, что черневым производством занималась только небольшая часть мастеров.

В 1821 году в окладные реестры серебряного цеха внесено 43 человека, из них: восемь с отметкой о их смерти, четыре старика, не способных работать по старости, один рекрут, два малолетних и один бедняк, не имеющий возможности работать самостоятельно.

Таким образом, из 43 записанных мастеров надо исключить, по крайней мере, 15 человек, которые не работали по той или иной причине. Значит, только 28 человек из числа записанных в реестр мастеров постоянно работали по серебру. Из этого количества работало по черни только четыре мастера, о которых, как о мастерах по черни, есть определённые указания в окладных ведомостях серебряной управы.

В 1840 году в реестр мастеров серебряного цеха записано 23 человека, из этого количества занималось черневым производством только 4 человека. Так обстояло дело и в другие годы.

Из литературных источников прошлого века главным являются «Вологодские губернские ведомости», где время от времени появляются статьи, касающиеся серебряного производства. Так, в № 37 за 1838 год, без указания на источники, число мастеров в 1817 году дано 29, а в № 3 за 1838 год в статье «Описание Великого Устюга» говорится, что «ею (чернью – М. Р.) занимаются ещё до 68 художников, но оставаясь при прежней грубости рисунка и высоте цены, она потеряла ход и славу». В 1885 году в № 36 «Ведомости» уже писали, что «с 1852 года единственным мастером и представителем великоустюжской серебряной черневой работы остался мастер Кошков... имеющий около 70 лет от роду. Этот мастер... изредка принимает небольшие заказы на изделия в роде, например, запонок, чайных ложек и т. п., но заказов на большие работы за старостью и плохим зрением не принимает».

Такие же сведения приводятся в «Отчётах и исследованиях о кустарной промышленности в России»* [* Отчёты и исследования по кустарной промышленности в России, т. I, СПб, 1892] и позднее, в статье П. Бучнева-Мелкача «Промышленность и промыслы Северодвинской губернии»** [** Записки Северо-Двинского общества изучения местного края, вып. 1, В. Устюг, 1925].

Сопоставление этих сведений с данными серебряной управы свидетельствует о большой неточности их. По данным серебряной управы, в 1811 году в Устюге было 36 мастеров, в 1821 году – 43. Не могло быть, чтобы в середине между этими годами, в 1817 г., было только 29 мастеров, как сообщают об этом «Вол. губ. ведомости». Тем более невероятно сообщение «Ведомостей» о наличии в Устюге в 1836 году 68 художников по черни, в то время как по данным управы в серебряном цехе в 1833 году состояло только 26 мастеров, а в 1840 году – 23, причём всех специальностей, а не только по черни.

Как видим, материалы «Ведомостей» страдают большой неточностью и принимать их за основание для выводов вряд ли следует. Данные устюжской серебряной управы и пробирной палатки наиболее достоверны. Однако, следует отметить, что нет возможности указать точно количество мастеров по годам, так как в окладных листах числятся и умершие, и дети, и уехавшие, но по ним представляется возможность составить наиболее полный список мастеров.

Ассортимент изделий устюжских мастеров был чрезвычайно разнообразен. Для характеристики приведём данные устюжской пробирной палатки о представленных для пробы изделий из сплавленного серебра за 1840 год. Всего за этот год в палатку представляли изделия 9 мастеров: Пётр Беляев, Илья Минеев, Николай Мотохов, Роман Сидоров, Анна Шипицына, Алексей Ядрихинский, Прокопий Студенцов, Михаил

Кошков и Михаил Бушковский. Из них черневым производством занимались четыре мастера: Минеев, Мотохов, Кошков и Бушковский.

За 1840 год в пробирную палатку были представлены следующие серебряные изделия:

	Всего	В том числе мастерами по черни
Супиры (салфеточные кольца)	6	4
Перстни	151	22
Ножи столовые	2	2
Вилки	1	1
Панагии (нагрудный знак православных епископов)	21	20
Ложки столовые	13	12
Ложки чайные	196	188
Молочники	1	-
Лжицы	3	1
Ризы	16	-
Кольца столовые	6	6
Оклады	2	-
Венцы	70	-
Привески к иконам	41	5
Оплечники	3	-
Сосуды	1	-
Звёзды	1	-
Тарелки церковные	5	-
Оклады на евангелия	1	-
Приборы в дароносицу	2	1
Табакерки	17	17
Чарки	5	5
Ложки десертные	92	92
Ложки пуншевые	164	164
Ложки для соли	6	6
Суповые ковши	2	2
Оправы для ковшей	2	1
Схватки к цепочкам	6	6
Кресты	249	164
Кольца	196	72
Напёрстки	11	11
Серьги (парами)	211	8
Булавки	3	2
Детские рожки	1	1
Детские столовые ложки	1	1
Оправы для ставок	9	-
Гайтаны (цепочки для крестов)	14	-
Накладки на венцы с винтами и гайками	3	-
Накладки для риз	8	-
Пасхальные подсвечники с принадлежностями	1	-
Бляшки	1	-

Оправы для графинов	1	-
Сита чайные	1	1
Вилки десертные	14	14
Черенки к ножам	2	2
Замки к ридикюлям	1	1
Церковные ковши	1	1

Таким образом, девять мастеров представили в пробирную палатку 1563 изделия 47 названий, в том числе 832 – работы мастеров по черни. Если условиться, что все предметы, выработанные мастерами черневого производства, представляли собой черневые изделия, то получится, что этими четырьмя мастерами представлено больше половины (53,2%) всех серебряных изделий, сделанных всеми мастерами за год. На производство их израсходовано серебра 1 пуд 38 фун. 29 зол.

Работы мастеров расценивались в зависимости от качества. Лучшие в отношении ювелирного исполнения и рисунка изделия ценились значительно дороже. Так, изделия продавались: работы мастера Якова Герасимова Мосеева (Моисеева) от 1 р. 50 к. до 1 р. 70 к., работы мастера Фёдора Климова Бушковского – от 1 р. 60 к. до 1 р. 65 к. и работы Ивана Жилина – по 1 р. 50 к. за золотник. Высокохудожественные работы ценились ещё дороже.

Судя по цене изделий трёх приведённых выше мастеров, работы Ивана Жилина по качеству были ниже изделий Мосеева и Бушковского и, следовательно, он, как мастер, был значительно слабее их. Кстати, то, что Иван Жилин был мастером более низкой квалификации в сравнении с другими мастерами его времени, ещё раз опровергает утверждение Евдокимова, что Жилин был изобретателем северной черни. Надо думать, что изобретатель черни должен был вырабатывать изделия лучшего качества в сравнении с другими мастерами. Стоимость работ Жилина этого не подтверждает.

* * *

Устюжские мастера большей частью работали в одиночку, «сам собою», или с родственниками, с сыном, братом, племянником. Очень немногие имели наёмных работников – одного, двух и очень редко до семи. Но зато многие пользовались трудом учеников, некоторые мастера имели по несколько учеников. Они заключали договоры с родителями учеников, которые регистрировались в управе. Приводим текст договора, заключённого мастером Бушковским с Минеевым:

«16 декабря 1820 года записной крестьянин устюжского 2-й гильдии купца П. М. Булгакова Стефан Сергеев Минеев учинил договор с великоустюжским гражданином и ремесленником серебряного черневого мастерства Фёдором Климентовым Бушковским в том, что отдал своего родного сына Илью Минеева Бушковскому для совершенного обучения серебряному черневому мастерству на шесть годов с тем, чтобы Илье Минееву находиться у Бушковского в учениках и работать его всякую серебряную и черневую работу в его хозяйском доме на его содержании, исключая работу в воскресные, двенадцатые праздники и высокаторжественные дни, всякий день без изъятия. И во всё то время ему, Илье Минееву, как к нему Фёдору Бушковскому, так и домашним его быть верну, послушну и почтителну, и тому серебряному черневому и белому ремеслу обучаться прилежно и до показанного срока от него, Бушковского, прочь не отходить, а особливо и не пьянствовать и тем ремесла его не останавливать, и без дозволения из дому его никуда не отлучаться. А ежели ему, Минееву, за какою законною нуждою сколько рабочих дней работать не будет, то должен столько ж дней

отработать после означенного срока, не требуя никакой платы, без всяких отговоров. И ему, Бушковскому, онго Минеева обучать ремеслу добропорядочно, не скрывая онго ни мало, сколько сам умеет. А при том, куда следовать будут подушные деньги за его, за Минеева, за одну душу платить Бушковский должен повсягодно и бездоимочно. А при том обувать и платьем одевать, шапку, рукавицы, а летом шляпа и рубашка и подобувки Минееву иметь свои и тем быть довольну. А естли в воскресные, двенадесятые и высокаторжественные дни я, Минеев, буду работать и на моего хозяина, то за работу положить мне плату. А буде он, Бушковский, со своею работою отлучится и возьмёт меня, Минеева, с собой, то я должен с ним вместе ехать на прогонах хозяина моего Бушковского и его содержания. И после означенного срока мне Минееву работать оное ремесло и на Бушковского три года по такой плате, какую или мастера будут мне давать или цеховая управа мне назначит и что на его же содержания. А дабы сей договор с обоих был не нарушен и для того и мне, Бушковскому, сына твоего Илью Минеева в великоустюжской серебряного цеха ремесленной управе в ученичьей книге записать при себе в учениках, в чём ему Бушковскому я Минеев при ниже подписавшихся свидетелях сие договорное письмо дал. Сие договорное письмо великоустюжской серебряного ремесла в цеховой управе явлено и в ученичью книгу под № 2 записан декабря 17 дня 1820 г.* [* Записки Северо-Двинского общества изучения местного края, В. Устюг, 1927, вып. IV, статья Шляпина, стр. 98]

Илья Минеев учился у Бушковского шесть лет. Кроме того, в счёт оговорённых по договору трёх лет проработал у него мастером один год и два месяца за ничтожную плату – по 35 коп. с золотника на собственном содержании. Бушковский, пользуясь договором, использовал Минеева и на других работах, не имеющих никакого отношения к черневому производству, как чистка двора, уход за лошадьё и др. Минеев, основываясь на явном Нарушении договора, ушёл от Бушковского к мастеру Александру Жилину, у которого получал за изготовление крупных вещей по 50 коп. и за мелкие вещи по 60 коп. за золотник, вместо получаемых у Бушковского 35 коп. за золотник.

Бушковский в 1828 году жаловался в ремесленную управу на самовольный уход Минеева к Жилину, но управа в требовании вернуть Минеева Бушковскому отказала, считая такую претензию несправедливой, а использование Минеева на других работах неправильным.

Илья Минеев был с 1835 года записан мастером в устюжской пробирной палатке, а в 1838. году у него уже работало два наёмных работника, с которыми он вырабатывал различные черневые изделия (панагии, ложки, табакерки и другие).

Несколько слов о материальном положении мастеров черневого производства. Ни предания, ни документы не донесли до нас сведений о том, чтобы кто-нибудь из них настолько разбогател, что резко выделялся из числа своих братьев. В ведшихся при ремесленной управе регистрационных тетрадах самостоятельно работающих мастеров мы видим отметки только о том, что они или недостатка не имеют, или, что недостатки свои покрывают мелкими заработками и другими источниками. Были и такие мастера, которые не имели своих мастерских и работали по найму у других мастеров, а некоторых по бедности управа должна была освобождать от оклада.

Мастера, имевшие свои собственные мастерские, держали, как правило, не больше одного или двух рабочих. По своему положению устюжские мастера в преобладающей части были мещанами и очень редко крестьянами. В 1842 году устюжской: пробирной палаткой было зарегистрировано 11 мастеров, все они имели собственные мастерские и, следовательно, обладали некоторым достатком: семь из них имели собственные дома, двое жили в домах родителей и только двое не имели собственных домов и жили и работали в наёмных квартирах.

Следует отметить также, что многие мастера из-за недостатка средств работали из серебра заказчика. В лучшем положении с материальной стороны находились те, которые вырабатывали изделия высокого качества и, следовательно, продавали их по более высокой цене.

Устюжских мастеров нещадно эксплуатировали различные перекупщики и купцы-заказчики, которые часто скупленные по дешёвке изделия продавали и экспонировали на выставках как собственные работы. Так, на Вологодской выставке в 1837 году черневые изделия были представлены: «купцом Казаковым – 12 ложек столовых, вес 150 зол., 12 ложек чайных, вес 5314 зол., 12 ложек чайных другого фасона; устюжским мещанином Жилиным – ящик марок. Никольским 1 гильдии купцом Грибановым – 1 кофейник, 1 чайник, 1 сливочник, 1 сахарница, 1 полоскательная чашка. Вологодским купцом Зуевым – 1 сигарочник 250 руб., 2 столовых прибора, 12 столовых ложек, 12 вилок, 12 ножей по 2 р. 30 к. золотник, 1 поднос средней величины по 2 р. 50 к.; 1 поднос большой за дежень в 6 штук цена 5500 руб... Из подносов зуевской работы (Зуевской ли? Не кошковской ли? – М. Р.) один представляет вид Вологодского кафедрального собора из-за реки, с близлежащим публичным садом; другой – вологодскую Никольскую площадь... Цыгарочник того же мастера (?–М. Р.) с одной стороны представляет императорский Всероссийский герб с гербами всех уездов Вологодской губернии, с другой – карту губернии и краткую статистическую таблицу с исчислением расстояний между городами», «...представленное купцом Грибановым отличается тонкостью абриса, выполняющего все условия перспективы: в нём на кофейнике изображены памятник Петру Великому и Александровская колонна; на чайнике: вид Устюга и С.-Петербургская биржа; на полоскательной чашке: Кремль, решётка Летнего сада в С.-Петербурге, Петропавловская крепость и Казанский собор; на сахарнице памятник Минину и Пожарскому и памятник Суворову; на сливочнике домик Петра Великого в С.-Петербурге и в Вологде»* [* См. «Вологодская губернская выставка 1837 года. Роспись вещам, представленным на Вологодскую губернскую выставку», Вологда, 1837].

На этой выставке из устюжских мастеров черневого производства со своими изделиями выступал только один Жилин и то с незначительным количеством изделий. Все остальные изделия черневой работы устюжских мастеров были представлены купцами и показаны, как их личные работы. Известно, что на Никольского купца Грибанова, который представил на выставку черневые изделия от своего имени, работал мастер Кошков. Нет никакого сомнения, что изделия, представленные купцами, были сделаны устюжскими мастерами, но по заказам и эскизам этих купцов. Устюжские мастера не были настолько зажиточными, чтобы выступать на выставке со своими изделиями; они не имели возможности покупать такого большого количества дорогого серебра, и это заставляло их покорно переносить эксплуатацию купцов и различных скупщиков и даже прекращать работу из-за отсутствия материалов, как это было с Бушковским, Мотоховым и Минеевым.

Устюжский городничий на запрос губернатора о состоянии черневого производства в Великом Устюге 31 мая 1853 года доносил губернатору:

«...занимающихся ныне и прежде занимавшихся черневою работою в Устюге состоят налицо устюжские мещане Михаил Кошков, Михаил Бушковский, Николай Мотохов и Илья Минеев, но из них только Кошков по заказам Никольского купца Ильи Яковлева Грибанова и архангельского Люрса, производит черневую серебряную работу ложек всякого разбора, то есть столовых, десертных и чайных, вилок и черенков к ножам, табакерок, сигарочников, папиросников и браслет, всего на 1200 руб. в год. Грибанов и Люрс, как люди по торговле зажиточные и богатые, делают Кошкову ежегодно заказы, потому что работа Кошкова гораздо лучше и прочнее таковой же

работы мастеров московских и других городов. За свою работу Кошков берёт дороже против московских и других городов мастеров примерно копеек на двадцать от каждого золотника. Бушковский, Мотохов и Минеев такую же берут цену за работу, как и Кошков, но они не имеют постоянных заказчиков, а устюжане, имеющие нужду в черневых изделиях, стараются купить таковые или в Нижегородской ярмарке, или в Москве, или даже у мелочных торговцев, вообще там, где дешевле, не разбираясь в чистоте и прочности работы. Прежде Бушковский производил черневые работы ежегодно на 300 руб., Мотохов на 175 и Минеев на 100 руб. серебром, теперь же, за отсутствием заказов, производство вынуждены прекратить, тем более что, будучи, сами по себе бедны, они не имеют возможности запастись серебром и всего нужного к производству того мастерства материала. Чтобы поддержать мастерство, необходимо нанимать этих мастеров делать черневые работы поштучно, предоставляя им и весь необходимый материал для работы»* [* Записки Северо-Двинского Общества изучения местного края, вып. IV. В. Устюг, 1927, стр. 99].

Это донесение, кстати, свидетельствует о большой бедности многих устюжских мастеров.

История сохранила для нас работы некоторых мастеров XVIII века, а о некоторых даже известия о их судьбе. Нам известны: мастер Климшин, который в 1745 году вызывался в Москву для восстановления черневого производства и обучил этому мастерству московского купца Кункина; Моисеев (Мосеев) (имя и отчество нам неизвестны), который, как сообщали «Вологодские губернские ведомости» в 1839 году, будто был главным мастером на фабрике Поповых и славился хорошей отделкой серебряных изделий; Михайло Неводчиков, покинувший Устюг в поисках «фортуны» и оказавшийся в числе землепроходцев; Жилин Пётр Петрович, который известен, как видный мастер по черни; Жилин Иван Петрович, который считался одним из лучших мастеров по черневым изделиям и как ремесленный голова открывал серебряную управу в Устюге в 1786 году; Бушковский Фёдор Климентович, который был, видимо, достаточно богат: он имел большую мастерскую и пользовался не только трудом учеников, но и наёмных рабочих; Бельков Алексей Прокопьевич и Кошков Ивач Алексеевич.

В XIX веке видными мастерами являлись: Моисеев (Мосеев) Яков Герасимович, Жилин Александр Иванович, Мотохов Николай Григорьевич, Минеев Степан Сергеевич, Бушковский Михаил Фёдорович, Минеев Илья Степанович, Жилин Андрей Александрович, Михаил Иванович Кошков.

В начале XX века устюжское черневое производство почти прекратило своё существование. Михаил Иванович Кошков, который умер в 1896 году, 80 лет от роду, с половины XIX века оставался единственным видным мастером в Устюге. Он был сыном видного мастера черневого производства Ивана Алексеевича Кошкова.

Михаил Иванович Кошков был человеком очень гордым. Он сознавал, что является единственным представителем славного поколения старых мастеров древнего черневого искусства. К дешёвым безделушкам и к мастерам, производящим их, он относился с пренебрежением. К черневому искусству он относился с каким-то благоговением. Родственники его рассказывают, что он, прежде чем приступить к приготовлению состава черни, долгое время готовил себя к этой сложной и очень ответственной операции черневого искусства (постился, специально мылся в бане и пр.). Да это и понятно. Кошков не был настолько богат, чтобы рисковать порчей состава черни, который стоил очень дорого. Успешное приготовление состава гарантировало спокойную работу мастера на продолжительное время, ибо состав готовился не на один день, а на несколько месяцев.

Кошков родился в 1816 году, а с 1835 года (19 лет) он был уже самостоятельным мастером и имел собственную мастерскую. В 1847 году в его мастерской работало до 7 подмастерьев и несколько учеников. С 1853 года трудом наёмных подмастерьев он уже не пользовался. С 1852 года Кошков являлся единственным представителем древней северной черни «вечной прочности».

«Вологодские губ. ведомости» за 1883 год (№ 3) писали:

«С 1852 года единственным мастером и представителем великоустюжской серебряной черневой работы остался мастер Кошков, в настоящее время имеющий около 70 лет от роду. Этот мастер теперь изредка принимает небольшие заказы на поделочные изделия вроде, например, запонок, чайных ложек и т. п., но заказов на большие работы, за старостью и плохим зрением, не принимает».

А через два года те же «Ведомости» в № 37 уже похоронили это искусство, написав: «Так прекратила своё существование эта старинная и некогда славная местная работа, отличавшаяся в своих изделиях, как замечательною прочностью черни, так и своеобразным изяществом рисунка».

Кошков учился черневому искусству у Александра Ивановича Жилина. Как известно, Жилин был хорошим художником и замечательным гравёром. Он в совершенстве владел тонкостями своего дела. По этой причине жилинские изделия пользовались заслуженной славой и до сих пор считаются лучшими среди сохранившихся изделий того времени.

Кошков был преемником Жилина, но он не обладал высокими качествами художника, не имел того тонкого вкуса, каким обладал его учитель Жилин, хотя, как гравёр, Кошков был превосходным мастером.

Кошков очень гордился «вечной» прочностью устюжской черни и при всяком удобном случае доказывал её стойкость на наковальне. В. П. Шляпин рассказывает, что он демонстрировал её прочность перед одним из великих князей, приехавших в Великий Устюг. Принёс он к нему пробу – серебряную пластинку в вершок длины и в полвершка ширины. На пластинке был черневой рисунок. «Кошков стал молотом ударять по этой пластинке и половину её расплющил так, что она удвоилась, то есть стала вдвое длиннее и вдвое шире прежней, причём равномерно стал вдвое больше и рисунок, покрытый чернью, и чернь не попортилась нисколько, а вместе с пластинкой раздалась во все стороны равномерно, и от пластинки ни малейшая частичка черни не отпала»* [* Великоустюжские мастера, «Советское краеведение», 1936, № 4, стр. 49].

По рассказам устюжан, Кошков выполнял заказы трёх царей, вырабатывая для них дворцовую посуду.

Он долгое время хранил секрет состава черни и никому не передавал его. Немало было претендентов на получение черневого секрета. Особенно претендовал устюжский чеканщик Корсаков, отец работавшего в наше время в артели мастера по золочению и чеканке Г. Н. Корсакова, да так и не смог ничего добиться.

Только в 1885 году Кошков передал секрет состава черни после восьмилетнего обучения своему ближайшему родственнику М. П. Чиркову. Секрет был передан за одиннадцать лет до смерти Кошкова, а не на смертном одре, как об этом писали некоторые авторы. Каждый мало-мальски знакомый с черневым производством понимает, что передать секрет черни тогда, когда человек умирает, просто невозможно, так как составление черни – весьма длительный процесс и требуется для освоения его, по крайней мере, несколько месяцев, а не несколько часов или минут, как это, очевидно, думают некоторые. Мария Алексеевна Угловская потратила на освоение процесса два месяца, и это был рекордно-короткий срок.

Итак, преемником секрета устюжской черни стал родственник Кошкова Михаил Павлович Чирков, который уступал своему учителю и как художник, и как гравёр. Но,

тем не менее, Чирков освоил черневое искусство, донёс его до наших дней, когда народное искусство стало принадлежать самому народу, сохранил эту жемчужину народного творчества и передал секрет состава и технологию в руки советского государства.

Знаток и ценитель русского народного искусства С. Д. Шереметьев в 1896 году писал Михаилу Павловичу Чиркову: «С глубоким сожалением прочёл я весть о кончине вашего деда, Михаила Кошкова, и в то же время с радостью принял к сведению, что в лице вашем нашёлся преемник, продолжатель знаменитого старинного мастерства, в котором был так искусен ваш дед»* [* «Всероссийская Выставка Художественной Промышленности», 1923, № 2, стр. 14].

Так когда-то процветавшее и достигшее размеров фабричного производства черневое искусство в Великом Устюге только из-за отсутствия внимания и поддержки со стороны царского правительства в конце XIX столетия дошло почти до полного угасания.

УСТЮЖСКИЕ ЧЕРНЕВЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Северное черневое искусство получило у нас всеобщее признание в XVIII –XIX веках. Чернение серебра,, существовавшее и достигшее расцвета в Киевской Руси и почти погибшее после прихода монголов, всё же продолжало существовать на северо-востоке Руси и развиваться, хотя долгое время и не . имело сколько-нибудь массового характера. Северные черневые изделия в XVIII и XIX веках уже пользовались широкой известностью не только у нас в России, но и далеко за границей, благодаря тонкости и чистоте гравировки рисунка, отделки, необыкновенной прочности, стойкости и глубокому синему тону черни.

Северный черневой рисунок на серебре представляет собой очень тонкую миниатюру. Мы наблюдаем в этом искусстве применение и живописного, сочного, дающего глубину и пространство рисунка, и рисунка строго графического. Очень удачен приём сочетания камфарного золочения внутри самого рисунка с гладким золочением по ободку.

Однако, если сопоставить тематику рисунков с техникой их выполнения, то можно сразу увидеть, что техника выполнения рисунка всегда была выше его тематики. Мастера в большинстве своём пользовались вплоть до Великой Октябрьской революции старыми рисунками. Правда, некоторые не только копировали готовые рисунки, но и создавали самостоятельно композиции по картинам, гравюрам и иллюстрациям, художественно перерабатывая их в соответствии с требованиями чернения. Но это только некоторые. Переработанные рисунки бережно хранились и перерабатывались последующими поколениями мастеров. Но, тем не менее, старые рисунки и композиции обновлялись медленно и отставали от вкуса времени. В этом, пожалуй, был основной недостаток устюжских черневых изделий.

До половины XVIII века мастера работали главным образом над предметами религиозного культа, но позднее мы видим черневой рисунок на модных в то время табакерках. На этих табакерках в черненном рисунке отражены все течения искусства XVIIII века. Такие табакерки пользовались огромным успехом и спросом.

Вслед за табакерками появляются черневые туалетные коробочки, чарки, ручки для тростей, броши, подносы, браслеты, чайницы, ложки, солонки, напёрстки, пряжки, детские рожки и многие другие светские предметы. К концу XVIII века мастера уже работали в основном над предметами светского обихода, так как основными заказчиками были императорский двор и знать.

Черневые изделия XVIII века отличаются пышностью и округлостью рисунка и плавностью линий; изображения силуэтные и лишены мелкой детализации, гравировка их сочная и мягкая. Сочетание матового фона серебра с золотом и глубоким черневым рисунком создаёт замечательный эффект, свойственный только устюжским работам.

Любопытно, что тематика устюжских мастеров этого периода во многом совпадает с тематикой холмогорских костяных изделий. Здесь изображаются те же сюжеты, букеты, цветочные гирлянды и др., но только переработанные в соответствии с техническими требованиями черневой гравюры. Это объясняется тем, что те и другие мастера в значительной части заимствовали рисунки из современных книг, гравюр и картин.

Но уже в начале XIX века резко меняется художественное оформление черневых изделий. Вместо золотого появляется черневой однообразный штриховой фон. Резко возрастает на матовом серебряном фоне контрастность узора, преобладает графический приём над живописным, рисунок детализируется, контуры становятся острыми и чёткими, гравировка жёсткая, сухая, изображения замкнуты.

Тематика изменяется во вкусе времени: появляются орлы, женские фигуры с лирами и арфами, гирлянды, венки и букеты из цветов, и военные доспехи.

Но в то же время устюжские мастера отдают должное окружающей жизни. Среди этого типа рисунков у устюжан мы, прежде всего, видим много рисунков с видом Великого Устюга. Это замечательные миниатюры, представляющие собой то тонко выгравированную панораму всего города, то отдельные части его, отдельные дома или группы зданий, церкви, улицы, сады, части набережной, вообще всё то, что могло привлечь внимание художника-гравёра.

Этот мотив послужил украшением многих изделий. Он встречается на браслетах, брошках, портсигарах и др. Сохранились предметы с изображением городов и планов Архангельска и Вологды, карты Вологодской губернии. Нередко в орнамент вводятся изображения гербов гор. Вологды и уездов.

Насколько прекрасными гравёрами были устюжские мастера, можно судить по тому, что на картах помещены данные о расстоянии между городами, о численности населения и т. д. В разработке этих композиций сказывается острая наблюдательность мастеров и творческая переработка воспринятых впечатлений.

Устюжские мастера часто брали темами для рисунков большие события своего времени. Так, от XVIII века сохранились предметы, на которых мастера изобразили взятие Очакова и Чесменский бой. Это черневые миниатюры, исполненные по лубочным картинкам. В них много условности. Не менее интересны предметы с черневыми портретами великих деятелей русского народа XVIII века – Ломоносова и Петра Первого. Второстепенное место занимали изделия с изящными орнаментальными рисунками; образцы для орнаментов они брали из книжных украшений и перерабатывали их в соответствии с характером черневой графики.

К середине XIX века искусство устюжских мастеров заметно снизилось – неизменно повторяются старые, уже многократно воспроизводившиеся рисунки и формы, новых композиций не наблюдается. К концу XIX века и художественная передача рисунка сменяется ремесленничеством, сухой копировкой, техническое выполнение упрощается. Причин этому было много. В этом повинно, прежде всего, неудовлетворительное материальное положение мастеров. Многие из них по своей бедности не имели возможности приобретать на собственные средства необходимый запас серебра, золота и химикатов для состава черни и работали, как правило, на серебре заказчика и, следовательно, находились в полной зависимости от поступления заказов и вкуса заказчика. Они не имели возможности получать авансы под заказы, и потому

вынуждены были спешить с выполнением заказов, дабы скорее получить деньги за работу. Спешка привела к ухудшению рисунка и ювелирного исполнения вещей.

Наряду с этим дорогие серебряные изделия не в состоянии были конкурировать с дешёвыми красивыми фабричными украшениями, которые заполнили рынок. Это в свою очередь имело и обратную сторону: падение художественной ценности, обнищание тематики, стандартность и обеднение рисунка соответственно вызвали сокращение спроса на эти изделия, а вследствие этого падение самого производства.

* * *

По имеющимся литературным источникам, к наиболее ранним черневым работам относится серебряная с позолотой складная круглая панагия, хранившаяся в ризнице Спасокаменного Духова монастыря (в Вологодской области). Подробное описание этой панагии было дано археологами Срезневским и Савваитовым в «Известиях Археологического общества» (вып. I, т. II за 1861 г.). Её относят к XIV веку, но возможно, что это и более поздняя работа – устюжских мастеров, так как они были в состоянии точно скопировать даже надписи.

В Софийском соборе в Вологде имелся напрестольный крест, который в 1686 году был поднесён соборной церкви.

Интерес представляет для нас также кувшин, который хранился в Вологде в домике Петра Первого. Это медный кувшин с крышкой и с серебряными под чернью медальонами. В истории черневого производства украшение медных изделий серебряными черневыми медальонами явление довольно редкое.

Устюжские и сольвычегодские музеи имеют в своих фондах ряд интересных черневых предметов работы северных мастеров.

В Устюжском музее имеются следующие черневые работы: Александра Ивановича Жилина – лампада в виде вазы с поддоном и двумя ручками, весом 2 фун. 11 зол. На боках два черневых клейма с надписями: «1831 года апреля в 18 день» и «Мастер Александр Жилин»; Михаила Ивановича Кошкова – 4 кольца, 3 пары запонок, 2 чайных ложки, ручка ножа и напёрсток; Михаила Павловича Чиркова – пара запонок с видом церковей, 2 чайных ложки, линейка с видом В. Устюга, браслет и пластинка с изображением морской коровы и орнаментом; Экспортной мастерской – три чайных ложки на различных стадиях черневого производства.

Кроме того Устюжский музей располагает несколькими изделиями неизвестных мастеров XVIII века: дарохранительницей, переданной из устюжской церкви Симеона Столпника, выполненной в стиле барокко с черневыми клеймами хорошей и чистой работы. На этой дарохранительнице есть клеймо «1770. А. Т., И. О.»; потир, переданный из Воскресенской церкви, с черневым клеймом художественной работы; евангелие с черневыми клеймами; дискос с чернью, наперстные кресты и др.

В Архангельском областном музее хранится несколько серебряных черневых изделий. Среди них: четыре брошки, четыре запонки, одна пудреница, два браслета и кольцо работы великоустюжской мастерской (с клеймами «ВУМ»), вероятно все они относятся к 1929–1933 гг.

Наиболее интересными экспонатами музея являются: крест серебряный с черневыми клеймами; на кресте надпись: «усердием команды интендантского департамента. Служителей при помощнике мастера корабельного Шулепов. 1811 года, апреля, 23 числа». На нём клейма «ГЖ» МИ»/»1811»84» и фигура человека. Крест этот сделан мастером Иваном Петровичем Жилиным, значащимся в окладных ведомостях за 1792, 1804, 1807 и 1811 гг.;

три чайных ложечки работы Михаила Ивановича Кошкова, брошка Михаила Павловича Чиркова, без указания года. Остальные экспонаты (евангелие, потир, панагия, два клейма от евангелия, два дискоса и звезда) 1792 и 1793 гг. не устюжской работы (скорее всего работы московских мастеров).

В Сольвычегодском музее хранится ряд предметов черневой и финифтяной работы и среди них часть ризы на иконе Христа, затворки на киоте, клейма на киоте с изображением лиц, крест 1572 года, венцы, оклад и риза с надписью чернью и черневой крест.

ПРОМЫСЛОВАЯ АРТЕЛЬ «СЕВЕРНАЯ ЧЕРНЬ»

К началу XX века старинные народные художественные ремёсла переживали острый упадок. Этот процесс, свойственный буржуазному обществу и отличающийся утратой веками накопленного художественного мастерства, в XIX веке в России зашёл очень далеко и привёл ряд некогда широко известных народных художественных ремёсел не только к упадку, но и к полному исчезновению. Так исчезли устюжская и сольвычегодская финифть и филигрань, шитьё золотом, устюжские печные изразцы и др. Этот процесс пережило и знаменитое холмогорское костерезное и устюжское черневое искусство. Для всех художественных ремёсел этого периода свойственно одно – вытеснение их более дешёвым фабричным производством. Желающих продолжать работать не находилось; старые мастера вымирали и с ними умирали вековые традиции, самобытность, навыки и секреты производства.

* * *

К Великой Октябрьской социалистической революции черневое художественное ремесло почти прекратилось. Единственным представителем славных устюжских мастеров, дожившим до революции, остался Михаил Павлович Чирков, он один знал состав устюжской черни. Во время революции он работал самостоятельно, как кустарь. Так же работал и ученик его Василий Григорьевич Батин. Пока было серебро, были и заказы. Кончилось серебро, кончились и заказы, так как заказчики тоже не имели его. Приходилось сложить инструменты и ждать лучшего.

Чирков проявлял большое беспокойство за судьбу этого древнего искусства. В одном из писем в 1922 году он писал: «В настоящее время я остаюсь без работы, нет серебра и других материалов, а купить невозможно, не знаю, как и будет, похлопочите о поддержании нашего древнего искусства, чтобы оно не погибло, как исчезла финифтяная работа» [* «Всероссийская выставка художественной промышленности», 1923, № 2, стр. 14].

Страна наша после гражданской войны и иностранной интервенции переживала большие трудности, и это не позволило советскому правительству в первое время обратить много внимания на поддержку художественных ремёсел, в том числе и черневого. Положение мастера-черневика было тяжёлое. Но М. П. Чирков терпеливо переносил трудности. Он не терял надежды, что советская власть скоро займётся народными искусствами. И он не ошибся. Как только были ликвидированы экономические трудности, сразу же было обращено внимание на восстановление черневого производства.

В 1929 году Устюжский союз промысловой кооперации предложил М. П. Чиркову изготовить образцы изделий. Изделия его работы в Москве произвели большое впечатление, и Всекопромсовет постановил немедленно приступить к восстановлению черневого производства. Для начала было решено организовать «Экспортную

мастерскую». Было отпущено для первых работ 18 кг серебра и на оборудование мастерской: 15 тыс. рублей.

Так возникло в Устюге новое промышленное предприятие – «Экспортная мастерская».

Во главе мастерской стал М. П. Чирков, подмастерьями, были: его сын, В. Г. Батин и Г. Н. Корсаков – мастер по золочению и чеканке, да два приезжих ювелира. В таком составе мастерская работала с 1929 по 1931 год. Первый заказ поступил из Западного Китая.

С 1931 года стали набирать учеников, которых обучал М. П. Чирков. С этих пор мастерская постепенно начала расширять свою деятельность. Если за 1931 год было выработано продукции только на 6000 руб., то в 1932 году за первый квартал было сделано 197 изделий на 2400 руб., а за второй – 566 изделий на 8100 руб. Так постепенно мастерская набирала темпы и увеличивала выпуск продукции.

16 января 1933 года мастерская была ликвидирована, и на её базе организована кустарно-промысловая артель «Северная чернь».

В 1934 году в артели из бывшей «Экспортной мастерской» оставался только один М. П. Чирков. Сын Чиркова из артели ушёл, В. Г. Батин умер в 1934 году, уехали два приезжих ювелира. Вместо убывших появились молодые мастера, обученные Чирковым. Но готовились только гравёры, ювелиры и другие специалисты, мастеров же по приготовлению состава черни не подготавливалось.

Состав черни и способ её приготовления по-прежнему оставался секретом Чиркова. Между тем он имел уже весьма преклонный возраст – ему было 69 лет. Перед ним стояла проблема – передать ли секрет состава и способа приготовления черни кому-нибудь или умереть вместе с ним. И этот вопрос Михаил Павлович решил как русский патриот. Он решил передать секрет промысловой кооперации.

Предложение старого мастера было принято с большим удовлетворением. Промсоюз в знак признательности установил Чиркову пожизненную пенсию. Михаил Павлович передал рецепт приготовления черни рекомендованным ему Промсоюзом ученикам. Так М. П. Чирков раскрыл секрет состава и способа приготовления черни без каких-либо особых условий. В этом сказался бескорыстный характер русского человека.

В данном случае не лишним будет привести такой факт: Михаил Павлович неоднократно вспоминал, что ещё до первой мировой империалистической войны к нему приезжали три каких-то иностранца, то ли англичане, то ли немцы – это мало интересовало старика Чиркова. Они предлагали ему продать секрет черни по одной версии – за 10 000, по другой – за 15 000 рублей. Однако, несмотря на бедность, М. П. Чирков не продал секрета иностранцам.

Михаил Павлович энергично принялся за обучение прикрепленных к нему учеников, и уже в конце 1934 года он выпустил первого молодого мастера, освоившего состав и способ приготовления черни. Это была Мария Алексеевна Угловская, которая поступила в 1931 году в «Экспортную мастерскую» и там получила специальность гравёра. Чирков сделал её квалифицированным гравёром всего только за три года, тогда как в старину для этого требовалось не меньше семи лет.

Мария Алексеевна с большим уважением и любовью отзывается о М. П. Чиркове, она с тёплым чувством вспоминает о его чутком и исключительно внимательном отношении к ученикам, что помогло ей в короткий срок освоить сложный процесс. «Он помог мне в сравнительно короткий срок овладеть секретом составления черни. Через два месяца у меня получилась первая удачная плавка. После я стала работать уже самостоятельно. Сейчас я мастер. Я знаю тайну знаменитой северной черни. Очень многим я обязана Михаилу Павловичу, который помог мне овладеть

сложной техникой черневого дела», - писала М. А. Угловская* [*«Советская мысль», 1935, № 89].

В 1934 году он, кроме того, выпустил пять мастеров гравёров и в 1935 году четырёх подмастерьев.

Интересно провести сравнение между условиями обучения учеников в старое время – у мастеров-одиночек и в наше время – в промысловой артели. Раньше родители отдавали своих детей в обучение мастеру на пять – семь лет; ученик обязан был помимо обучения ремеслу исполнять много работы, не имеющей никакого отношения к черневому делу. Он был «мальчиком на побегушках», и нянькой, и скотником, и прислугой в доме мастера. За всё это ученик получал от мастера только питание – «мастер содержал ученика на своём коште».

Нередко по окончании обучения молодой мастер оставался по договору на работе у своего учителя в качестве подмастерья за мизерную плату. Так нещадно эксплуатировались ученики.

Вот что рассказывают об ученических годах М. П. Чиркова: «Годы ученичества остались в памяти мастера, как беспросветные, безрадостные годы. Он месил тесто на кухне у бабушки, он бегал подмастерьям за табаком и водкой, он заменял дворника и домашнюю прислугу, и только в редкие часы досуга стоял, около кресла деда, с волнением следил за резцом своего учителя, изучал трудное гравёрное искусство. 5 апреля 1885 года кончилось восьмилетнее ученичество. Вот с этого счастливого дня, когда самостоятельно был закончен первый подстаканник с художественной гравировкой, считает мастер полвека своей работы»* [* «Советская мысль», 1935, № 93].

А ведь Чирков был родственник Кошкова! В каких же условиях были ученики, не состоявшие в родстве со своими учителями?

Совершенно иные условия созданы для учеников в наше время. В артели ученики всё своё время отдают изучению своей специальности. Ученики получают от артели стипендию, размер которой постепенно повышается с ростом их квалификации. Таким образом, созданы все условия для успешного усвоения специальности в установленный срок. После сдачи технического минимума ученикам присваивается звание мастера соответствующего разряда.

Срок обучения в артели установлен до шести месяцев, но многие ученики программу проходят в более короткий срок и раньше переходят в разряд мастера. Будущие гравёры сначала учатся рисовать на бумаге, затем – гравировать на медных пластинках и только после этого переходят на гравировку серебра. Гравировку начинают с простых рисунков и постепенно переходят на более сложные. Средний ученик проходит такой курс в течение от трёх до шести месяцев. М. А. Угловская рисунку на бумаге обучалась только полтора месяца, гравировала по меди только полмесяца и, таким образом, через два месяца перешла на гравировку серебра. О таких сроках обучения гравёры в старое время не могли и мечтать. Угловской помогло не только её дарование, но и упряжка, свойственная современной молодёжи.

В 1935 году в артели уже был создан основной кадр мастеров, который обеспечил дальнейшее развитие производства.

Так в 1935 году завершился организационный период артели, период подготовки кадров гравёров, ювелиров и, главное, по изготовлению состава и припуску черни мастеров из местной молодёжи. Артель превратилась в законченное художественное предприятие. В этом огромная заслуга М. П. Чиркова, который вложил много сил в подготовку молодых мастеров-художников.

М. П. Чирков родился в 1886 году. Одиннадцати лет он поступил в ученики к своему родственнику М. Кошкову, у которого учился восемь лет, и только в девятнадцать лет получил звание мастера черного производства.

Михаил Павлович научился разбираться в рисунках, ценить точную и смелую линию, безошибочно владеть резцом. Он был мастер старого уклада, то есть делал изделия от начала до конца. Он был смелым, хорошим гравёром, уверенно пользовавшимся резцом. Рисунок он наносил, по выражению его самого, «зрительно», то есть на-глаз, а копировкой не пользовался. Он хорошо изображал зверей, птиц, цветочный орнамент и слабее был в исполнении портретных изображений. Многие рисунки им исполнялись десятки и сотни раз, и потому в них уже чувствуется некоторый налёт шаблонности. Чирков, как и все старые мастера, пользовался современными книжными иллюстрациями и рисунками из сборника времён Петра Первого «Символы и эмблемы».

Везде в его работах умело сочетается синеватый отлив черни с белым холодным цветом металла.

Следует отметить, что М. П. Чирков как художник и гравёр был несколько слабее своего учителя Кошкова. Однако мы склонны считать, что дело тут не в меньшей одарённости мастера, а в тех условиях, в которых он работал, – в материальном его благосостоянии. Он не мог конкурировать с дешёвыми массовыми фабричными украшениями и в царствование последнего царя – с модными ювелирными работами крупных городов. Рассказывают, что последний царь, в отличие от своих предков, не сделал устюжскому мастеру ни одного заказа для себя.

Чирков должен был работать и подделываться под вкус мелкого чиновника и купца, работать в спешке, и это, несомненно, отразилось на творчестве мастера.

В молодые годы Михаил Павлович пользовался большой славой. Его посещали и временами заказывали различные «сувениры» любители этого искусства, художники, учёные. Говорят, что как-то к нему заглянул, чтобы заказать портсигар, один из великих князей, но от этого посещения М. П. Чиркову, как говорят, легче не стало. Круг деятельности последнего мастера всё суживался и суживался. Заказов становилось всё меньше и меньше, в особенности в военные годы.

Он имел много наград и почётных грамот от различных организаций и учреждений. Его изделия имеются в разных музеях.

Чирков очень доброжелательно отнёсся к привлечению в черное искусство девушек. Он считал даже, что с ними работать спокойнее, что у них больше прилежания и старания.

23 апреля 1935 года исполнилось 50 лет работы М.П. Чиркова. В Устюге было проведено чествование старого мастера. Советская общественность чествовала Михаила Павловича как выдающегося художника своего дела, как патриота, донёсшего до наших дней секрет состава и способа приготовления северной черни, единственной в своём роде, и передавшего его пролетарскому государству. Его чествовали за то, что он в очень короткий срок подготовил замечательных мастеров, которые с успехом развивают и совершенствуют старое народное русское искусство. Общественность отмечала огромное значение артели, как экспортного предприятия* [* «Краткий отчёт о чествовании М. П. Чиркова». «Советская мысль» 1935, № 96].

В этот день в устюжском театре была устроена выставка работ старого мастера, на которой всеобщее внимание привлекла последняя, юбилейная работа М. П. Чиркова – нож для бумаги. На нём запечатлена одна из страниц жизни Иосифа Виссарионовича Сталина. В замечательном орнаменте изображён скромный сольвычегодский домик, в котором жил товарищ Сталин в 1908 году. На ручке ножа в богатом орнаменте;

представлены различные виды богатств Севера. Эту юбилейную работу мастер принёс в дар великому вождю.

Мастер получил поздравления от многих организаций и отдельных лиц, в том числе от Ф. Гладкова, И. Эренбурга, Л. Леонова и др.

М. П. Чирков умер в 1938 году в возрасте семидесяти двух лет.

* * *

Преемник секрета состава северной черни Мария Алексеевна Угловская-Сычѣва родилась в деревне Шемогодского сельсовета, Устюжского района, там, где до сих пор процветает интереснейшее искусство резьбы по бересте. Ещё в детстве она интересовалась рисованием и вышивкой, но не было условий, чтобы это детское стремление к искусству получило какое-то реальное воплощение. После окончания школы она поступила на пимокатный завод „Северный труд». Но работа здесь её не удовлетворила. Как только стало известно, что Промсоюз организует мастерскую, она приложила все старания, чтобы перейти в неё учиться.

27 ноября 1931 года она была зачислена учеником «Экспортной мастерской». М. П. Чирков очень хорошо принял её и, заметив способности ученицы, помог ей быстро стать хорошим гравёром.

Когда Промсоюз договорился с Чирковым о подготовке мастеров, на общем собрании членов артели было решено рекомендовать для этой цели двух ювелиров. Одним из них и была комсомолка Мария Алексеевна Угловская.

Мария Алексеевна очень быстро овладела самым важным процессом черногого производства – составлением черни. Здесь встретились с одной стороны – страстное желание молодого мастера скорее овладеть древним самобытным искусством и с другой – стремление старого мастера скорее передать своему ученику не только секрет состава, но и веками накопленный опыт черневой работы. Через два месяца она смогла дать уже первую удачную плавку состава и с этого времени стала работать самостоятельно.

Мария Алексеевна прошла все стадии работы черневика – подготовку вещи, гравировку на ней, приготовление состава черни, припуск и окончательную обработку изделия. Знание всех процессов помогало ей впоследствии своевременно замечать все недостатки и промахи мастеров.

В декабре 1934 года Мария Угловская получила звание мастера черногого производства.

В артели М. А. Угловская вступила в ряды большевистской партии, принимала активное участие в общественной жизни и одновременно продолжала совершенствовать своё искусство.

Ею совместно с М. Подсекиной были изготовлены экспонаты для Всемирной Парижской Выставки 1937 года. За эти работы они были награждены «Дипломом серебряной медали».

В 1942 году М. А. Угловская была избрана председателем правления артели «Северная чернь». Она показала себя не только хорошим мастером, но и способным руководителем и организатором. Она пользовалась авторитетом среди артельщиков. При ней артель переехала в прекрасное большое здание, ею были созданы хорошие производственные условия, артель значительно выросла, увеличила выпуск продукции и расширила ассортимент. Некоторые процессы работы были при ней механизированы.

* * *

После перехода М. А. Угловской-Сычёвой на руководящую работу мастером по изготовлению и припуску состава черни стала Мария Дмитриевна Кузнецова. Крестьянка из деревни Жигулёво, Устюжского района, она недолго училась в школе. Пятнадцати лет ей пришлось поступить на работу в совхоз «Робеспьерово». Здесь она проработала 8 лет. В 1936 году ей удалось стать ученицей в артели «Северная чернь». Мария Дмитриевна признаётся, что её очень интересовала эта работа ещё задолго до поступления в артель.

Она училась у М. П. Чиркова и М. А. Угловской гравёрному и черневому делу. Через семь месяцев Мария Дмитриевна стала работать самостоятельно. Надо отдать справедливость М. Д. Кузнецовой – она успешно освоила это художественное ремесло, особенно процесс составления черни. В этом деле она постигла все тонкости. С 1938 года она самостоятельно составляет и плавит чернь. С 1946 года она работает мастером-бригадиром черневого процесса.

За хорошую работу ей присвоен диплом мастера 2-й степени, она неоднократно награждалась почётными грамотами и денежными премиями.

* * *

С 1949 года председателем артели работает Константин Петрович Воеводин, человек большой воли, старый член большевистской партии, имеющий за своими плечами большой опыт организационной и производственной работы. Он умело повёл перестройку работы артели в соответствии с новыми условиями; артель уверенно совершенствует своё производство.

* * *

Видную роль в работе артели, в освоении ею новой, современной тематики сыграл художник Евстафий Павлович Шильниковский. Евстафий Павлович является прекрасным офортисмом, он учился этому искусству в Академии Художеств у известного художника В. В. Матэ. Первое время он работал художником в устюжском театре и иллюстратором в местной газете, будучи прекрасным линогравёром.

В Устюге он написал маслом немало картин на темы, связанные с пребыванием Иосифа Виссарионовича Сталина в ссылке в Сольвычегодске: «Товарищ Сталин на этапе в гор. Сольвычегодске», «Товарищ Сталин в Сольвычегодской тюрьме», «Обыск на квартире товарища Сталина», «Сходка рабочих в пригороде Сольвычегодска» и др. Его картины имеются в Сольвычегодском музее товарища Сталина, три картины находятся в Архангельском музее. Из офортов Е. П. Шильниковского наиболее интересны офорты «Места ссылки товарища Сталина в Вологодской губернии» и «Голова неизвестного».

С 1935 года Е. П. Шильниковский начинает работать над рисунками для артели «Северная чернь». С этого времени и начался новый период в жизни артели: она перешла на современную тематику и новый рисунок. Будучи замечательным офортисмом, он чрезвычайно скоро овладел тонкостями графического рисунка для черневого производства и стал, по сути дела, единственным творцом огромного количества прекрасных и разнообразных по тематике и технике исполнения рисунков для черни на серебре.

Е. П. Шильниковский так увлёкся черневой миниатюрой, что в 1943 году перешёл на постоянную работу в артель и стал художественным руководителем этого замечательного коллектива.

Среди изделий, выполненных по рисункам Е. П. Шильниковского, мы видим: «Синьзянскую серию» по заказу Западного Китая; изделия по рисункам на пушкинские темы (Пушкинская серия); на темы басен Крылова, сказки «Конёк-Горбунок». Художник отзывается на все большие события своей родины, на героину её повседневного труда. Он воплотил в художественной миниатюре образы Великой Отечественной войны и победы, социалистическое строительство, исторические события и лица, чаяния лучших людей, открытие Северного полюса, Москву, великих полководцев (Суворов) и др.

Е. П. Шильниковский создал больше 300 рисунков, оригинальных по замыслу и исполнению. С этими рисунками артель выпустила около 100 000 различных вещей. Многие из них являются уникальными по художественности выполнения.

Его рисунки пронизаны пафосом социалистического строительства, отражают расцвет культуры и могущество нашей социалистической родины.

Евстафий Павлович ведёт большую работу с будущими специалистами черневого производства. Больше 60 его учеников стали прекрасными гравёрами.

Евстафий Павлович, несмотря на шестидесятилетний возраст, жизнерадостен и энергичен, полон молодого задора и творческих исканий.

* * *

В настоящее время артель «Северная чернь» представляет собой крупное кооперативное предприятие промышленного значения, выпускающее продукции на несколько миллионов рублей.

Ниже мы приводим некоторые сведения, характеризующие неуклонный рост артели по числу мастеров и по валовой продукции. К сожалению, не все сведения сохранились в архивах артели, часть из них утрачена во время переезда в другое помещение, но и приводимые данные убедительно показывают неуклонный рост этого кооперативного предприятия.

Приводим данные о количестве в артели мастеров и учеников по годам:

Годы	Мастера	Ученики	Всего	Годы	Мастера	Ученики	Всего
1931	5	—	5	1942	67	9	76
1932	13	—	13	1943	74	16	90
1933	13	—	13	1944	73	17	90
1934	13	—	13	1945	75	9	84
1935	13	—	13	1946	79	12	91
1936	13	7	20	1947	97	13	110
1937	19	7	26	1948	116	4	120
1938	21	8	29	1949	85	7	92
1939	22	10	32	1950	78	8	86
1940	32	8	40	1951	77	30	107
1941	49	10	59	1/X-1951	106	15	121

До 1936 года в артели не учитывали отдельно учеников, они проходили по группе мастеров. Это, вероятно, объясняется тем, что ученики большей частью заканчивали курс обучения в течение одного года. Так как некоторая часть мастеров уходила с работы по причине выезда из Устюга или слабого освоения специальности, то на протяжении первых четырёх лет состав мастерской после реорганизации артели оставался стабильным. Однако в 1936 году артель сделала резкий поворот в сторону увеличения числа учеников, и с этого года число и мастеров и учеников начало

постепенно расти. Только в 1945 году количество учеников и мастеров артели незначительно снизилось, однако это снижение с лихвой было перекрыто в следующем 1946 году. Если для сопоставления взять за исходный 1935 г., то численный состав артели в 1948 году увеличился в девять с лишним раз и составил 120 человек, а вместе с прочим административно-техническим составом всего 139 человек.

В 1949 и 1950 гг. артель сократила количество рабочих и учеников, освободившись от малоквалифицированных мастеров. Несмотря на это, средняя производительность артельщиков значительно выросла.

В 1948 году артель организовала производство предметов массового потребления из алюминия и других металлов. Но уже в 1950 году она отказалась от этого производства и всё внимание сосредоточила на выработке только серебряных черневых изделий. Спрос на эти изделия потребовал увеличения количества рабочих. В 1951 году было выпущено 28 гравёров и 2 ювелира. По сравнению с началом 1950 года артель выросла на 35 человек, или почти на 40%.

Приводимые ниже сведения о выпуске валовой черневой продукции в учётных ценах также свидетельствуют о неуклонном росте производства. Так, выработано было валовой продукции на сумму (в тыс. руб.):

1933	37,2	1947	1189,9
1934	51,7	1948	2725,3*
1943	845,	1949	1207
1944	710,3	1950	1210,9
1945	582,3	за 10мес.	
1946	707,4	1951	1212,1

[* В валовую продукцию 1948 года включены изделия из алюминия].

Резко сократив выработку предметов массового потребления из алюминия и других металлов, артель в 1951 году выработала продукции несколько больше 1949 года, а за 10 месяцев 1951 года столько, сколько было выработано за весь 1950 год. Артель послевоенный пятилетний план выполнила почти на 150%.

Если в 1934 году валовой выпуск продукции одного мастера стоил в среднем в год в неизменных ценах 3923 рубля, то в 1947 году он равнялся 12 270 руб., т. е. стоимость увеличилась больше чем в три раза, а за десять месяцев 1951 года средняя выработка на одного рабочего ещё больше увеличилась, хотя артель в 1951 году выпускала более сложные изделия, требовавшие большей затраты труда.

Не менее любопытны данные и об ассортименте вырабатываемой артелью продукции. Следует оговориться, что продукция артели обуславливается заказами, так как артель работает только по заказам организаций, предоставляющих своё серебро. Таким образом, имея возможность выпускать всевозможные изделия, она фактически зависит от заказчиков.

Артель вырабатывает кубки, браслеты, ложки столовые, чайные и десертные, брошки, застёжки, запонки, пудреницы, стаканчики, сливочники, напёрстки, кольца, подстаканники, портсигары, медальоны, супиры, браслеты к часам и другие изделия, украшенные черневым рисунком.

Представляют большой интерес сведения о количестве выработанных серебряных черневых изделий по годам:

Годы	Колич. наимен.	Колич. издел.	Годы	Колич. наимен.	Колич. издел.

1933	11	1966	1943	7	5091
1934	7	2366	1944	10	7150
1936	7	1282	1945	10	5276
1937	6	1245	1946	-	9930
1938	9	1282	1947	-	10384
1939	12	1434	1948	-	14546
1940	10	3644	1949	-	12936
1941	6	2464	1950	27	15854
1942	8	3506	10 мес. 1951	19	15858

Количество выработанных изделий зависит от количества крупных изделий, как портсигары, подстаканники и др., на которые расходуется больше серебра. Количество изделий в 1947 г. превышает число изделий в 1934 году только в четыре с половиной раза, а серебра было переработано больше, чем в 17 раз.

За 1950 и за 10 месяцев 1951 года артелью выпущено следующее количество вещей:

Наименование изделий	1950	10мес. 1951 г.
Ложки столовые сложного рисунка	11	1430
Ложки столовые обыкновенного рисунка	4	569
Ложки десертные сложного рисунка	3529	2108
Ложки десертные обыкновенного рисунка	1270	1256
Ложки чайные сложного рисунка	2727	1869
Ложки чайные обыкновенного рисунка	1536	1820
Ложки для заварки чая	1	-
Портсигары сложного рисунка	6	-
Портсигары обыкновенного рисунка	114	98
Стопки сложного рисунка	6	313
Стопки обыкновенного рисунка	97	743
Кольца мужские	1259	545
Кольца дамские	1816	889
Кольца салфеточные	4	-
Подстаканники сложного рисунка	288	339
Запонки комплектами	1489	2342
Вилки столовые	16	12
Вилки десертные	12	-
Ножи столовые	14	12
Браслеты плоские	1640	867
Брошки	2	120
Спичечницы	5	35
Рюмки сложного рисунка	7	492
Пряжки	3	-
Скрепки для галстуков	3	-
Пластинки художественные	4	-
Сумки серебряные художественные	1	-
Всего	15854	15858

В последнее время в артели был создан ряд уникальных вещей. К числу их надо отнести 16 подстаканников с гербами Советских республик и один подстаканник, большого размера, с гербом СССР. На лицевой стороне этих подстаканников в сложной композиции тончайшей черневой гравюрой с камфарно-золотым фоном представлены основные отрасли экономики каждой республики. Первый комплект таких подстаканников в августе 1951 года приобретён Ленинградским Русским музеем. Второй комплект с несколько композиционно изменённым рисунком приобретён Музеем художественной промышленности.

Тема борьбы за мир во всём мире также нашла своё отражение в творчестве устюжских мастеров. Ими сделано на тему «За мир во всём мире» два портсигара; закончена работа над кубком на тему «Изобилие», который приобретён Музеем художественной промышленности.

8 июня 1948 года в артели был большой праздник. В этот день представителем Художпрома артели был вручён диплом второй степени, присуждённый Советом постоянного павильона лучших образцов товаров широкого потребления при Всесоюзной Торговой Палате, и премия в 40 тыс. руб.

Одновременно артели было вручено переходящее знамя Устюжского горисполкома и горкома ВКП(б) за успехи в социалистическом соревновании.

С этого времени на марке артели появилась надпись «диплом 2-й степени». В этот день 74 члена артели получили денежные премии. Так Советское государство отметило успехи этого коллектива. Работники артели обещали «приложить все усилия, чтобы оправдать награду – ещё выше поднять марку изделий «Северной черни».

В настоящее время артель представляет собой тесно сплочённый коллектив людей, любящих своё дело и знающих хорошо свою специальность. Здесь работают такие мастера по приготовлению и припуску черни, как Мария Дмитриевна Кузнецова, Анна Рядовкина и Любовь Корякина; ювелиры Алексей Прокопьевич Коноплёв, С. А. Кролик, которые выполняют по полторы-две нормы в смену, гравёры Валентина Якушева, Рая Кузнецова, Тамара Бабаевская, Нина Тропина, Павла Насоновская, Мария Алексеева и другие, выполняющие производственные нормы на 130 – 160 процентов; прекрасные отделочники Сафанова, Деткова, Иванова и Хохлова.

* * *

Устюжская чернь составляется из серебра 92 пробы, свинца, красной меди, серы и нашатыря. Способ приготовления черни и рецептура её находится под охраной государства. Сколько какого компонента, какой порядок закладки их, при какой температуре плавится черневой состав, знают только несколько мастеров.

Способ приготовления черни всё ещё достаточно архаичен. Здесь всё делается на-глаз, температура определяется по цвету пламени, и по этой причине передача способа приготовления черни от мастера к мастеру возможна только практически, а не по описанию.

М. П. Чирков рассказывал, что не каждая плавка состава черни ему удавалась. Случалось, что состав не был пригоден для работы. Такой состав черни он часто оставлял «вылечиться», и бывало, что после продолжительной выдержки он становился годным к работе. А некоторые составы приходилось снова переплавлять, прибавляя нашатырь, чтобы сделать их пригодными. Состав же, который во время плавки был пережжён, уже не могли исправить ни выдержка, ни переплавка.

М. Д. Кузнецова говорит, что она при неудачных плавках также прибегает к выдержке и переплавке – к методу, пори данному ей М. П. Чирковым.

Но нередко случается и так, что состав не удаётся не по вине мастера, а по совершенно не зависящим от него причинам. Качество состава находится в прямой зависимости от количества составных частей. Требуется, чтобы все части состава были совершенно чистыми, в особенности сера и нашатырь. Плохое качество хотя бы одной части состава приводит к снижению прочности черни. Бывали такие случаи, когда после нескольких лет пользования вещь, покрытой чернью, последняя начинала крошиться. Это явление объясняется только низким качеством составных частей черневой массы. Надо сказать, что устюжские мастера предъявляют ряд претензий к качеству материалов, поставляемых химической промышленностью для артели «Северная чернь».

Кузнецова рассказывает, что были и такие случаи, когда хорошая и полноценная чернь не приставала к предмету. Это происходило или потому, что с предмета не были удалены жировые пятна, или потому, что серебро было низкопробное (ниже 84 пробы), а к низкопробному серебру чернь не пристаёт.

Комки сплавленной черни растираются в мелкий порошок, который смешивается с раствором нашатыря до получения густой кашицы.

Если сопоставить технологический процесс изготовления черневых изделий настоящего времени с технологическим процессом XVIII и XIX веков, то можно найти некоторые изменения в сторону внедрения в производственные процессы новых технологических приёмов и приспособлений. Применение станков главным образом коснулось ювелирного производства и меньше всего гравёрного и черневого, где применение машинной техники затруднительно.

В отличие от прошлого, артель располагает кривошипным прессом и падающим молотом, что позволило перейти от ручного изготовления целого ряда изделий на штампованное массовое производство. Артель располагает штампами для столовых и чайных ложек, портсигаров и др. Вальцы позволяют артели слитки серебра превращать в листы любой толщины, что также облегчает труд ювелиров. Артель ввела вместо горячего гальваническое золочение. Воздух для паяльного аппарата подаётся специальной воздуходувкой. Значительно облегчается труд мастеров также установкой двух полировочных станков и пескоструйного аппарата.

Однако все прочие процессы по-прежнему производятся теми же методами и способами, как и сто лет назад. Больших нововведений и изменений здесь нет, да и быть не может. Ценность устюжских черневых изделий, по нашему мнению, в том и состоит, что они являются в основном продуктом исключительно ручного производства. Черневые изделия – это, прежде всего, высокохудожественные произведения творческого содружества целого коллектива. Каждая вещь, выпускаемая артелью, собственно говоря, неповторима.

Технологический процесс производства состоит из следующих этапов.

Слитки, лом, обрезки и «брызги» серебра плавятся в тиглях с лигатурой до 84 пробы. Расплавленный металл выливается для затвердения в энгус – продолговатую форму. Полученные таким образом слитки прокатываются через вальцы; из них и изготавливаются вещи.

Изготовление вещи – это ювелирная работа. Здесь применяется, в зависимости от изделия и формы, штамп, ножовка, ножницы, молоток, напильник, плоскогубцы, круглогубцы и т. д. Более сложные изделия изготавливаются по частям, которые потом спаиваются серебряным припоем. На этом заканчивается работа ювелиров. Готовое изделие переходит в распоряжение гравёров.

Гравёр, прежде всего, наносит на изделие рисунок иглой или через копирку и закрепляет его лаком. Однако этот способ пригоден при изготовлении одного изделия

или небольшого количества. При массовом производстве такой способ нанесения рисунка непроизводителен.

Для изготовления значительного количества предметов с одним и тем же рисунком применяется следующий способ. Сначала рисунок наносится на один предмет и производится его гравировка. На выгравированный, проверенный рисунок накладывают кусок мокрой толстой плотной бумаги и на ней выдавливают выгравированный рисунок. Так получается своеобразная матрица.

При помощи такой матрицы можно переводить рисунки на большое количество изделий без всякого искажения оригинала. Предмет, на который надо перевести рисунок, коптится сажей и на него накладывается матрица, с которой на закопчённой поверхности остаётся чёткий отпечаток. Теперь остаётся только закрепить отпечатавшийся рисунок лаком, чтобы не стереть сажу во время гравировки, и приступить к углублению тех линий, которые остались на предмете белыми.

Этот способ позволяет поручать гравировку таким гравёрам, которые сами не могут точно перевести рисунок на предмет. Следует отметить, что эта рационализация, введённая членами артели «Северная чернь», очень облегчила труд гравёров и удешевила себестоимость продукции.

Гравировка производится специальными резцами-цеерами. После того как рисунок выгравирован, предмет поступает к следующему мастеру для припуска черни.

Мастеру, который производит припуск черни, требуется очень ограниченное число инструментов, хотя он выполняет самый ответственный процесс. Ему нужен небольшой горн, щипцы и маленькая деревянная лопатка, которой он наносит состав черни на предмет. Состав черни – каша земляного цвета хранится в специальном сосуде. Те части предмета, которые не подлежат чернению, замазываются глиной, чтобы не горело серебро во время припуска черни. Выгравированный рисунок покрывается слоем черневой кашицы и при помощи щипцов прокаливается в горне до тех пор, пока состав не расплавится. Этот процесс и называется припуском черни.

После припуска предмет поступает сначала к мастеру первой, а затем к мастеру второй «выснимки» для проявления рисунка. Верхний слой черни снимается с предмета сначала крупным, затем мелким напильником – до появления рисунка и затем для точного проявления всех деталей рисунка – грифелем.

После проявления рисунка предмет подвергается золочению и полировке.

Такова в настоящее время в артели «Северная чернь» технология изготовления черневых предметов.

Для сравнения приведём способ приготовления кавказской черни. Состав кавказской черни близок к составу устюжской. Она состоит также из серебра 84 пробы, серы, красной меди и свинца. Всё это плавится в горне, и полученный сплав выливается на чугунную или каменную плиту; после охлаждения состав растирается в порошок, промывается в воде и просушивается. Затем из порошка готовится тесто на десятипроцентном растворе буры. Заполнив этим тестом все углубления, подлежащие чернению, изделие кладут в горн и после того, как состав расплавится, вынимают, охлаждают и полируют* [* А. А. Пиралов. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. «Кустарная промышленность России», т. II – Разные промыслы, СПб, 1913, стр. 93].

Таковы рецептура и способ приготовления состава черни и способ чернения предметов на Кавказе. Как видно, способ приготовления состава черни и технология чернения серебра в Устюге значительно отличается от применяемых на Кавказе, чем и вызывается, очевидно, разница в прочности той и другой черни.

Преобладающее большинство членов артели – молодёжь, Артельщиков рождения до 1920 года работает только 22%, с 1920 до 1925 года – 23%, остальные 55% членов артели рождения 1925 года и позже.

Коллектив живёт полнокровной жизнью, как и все советские социалистические предприятия. Рабочие и инженерно-технические работники участвуют в социалистическом соревновании за досрочное выполнение производственного плана и повышение качественных показателей, о чём говорит сразу при входе в здание артели доска показателей социалистического соревнования между бригадами и цехами.

В артели имеется книга почёта, куда заносятся лучшие производственники. Под фотографиями лучших работников артели мы видим описание их замечательных трудовых подвигов. Среди них есть и старые рабочие, работающие в артели почти со дня её основания, и ещё совсем молодые, но достойные по своим трудовым показателям быть внесёнными в артельную книгу почёта наряду с ветеранами артели.

В артели работают хоровой и драматический кружки. Среди молодёжи есть и увлекающиеся спортом. Общественной и политической жизнью артели руководят партийная и комсомольская организации. Многие члены артели учатся в сети партийного просвещения, систематически проводится производственная учёба. Артельные агитаторы и чтецы проводят беседы и читки по цехам. Прекрасный клуб способствует широкому развёртыванию, как политической, так и культурно-просветительной работы среди артельщиков.

Артель активно участвует в общественной и политической жизни города. За успехи в социалистическом соревновании она неоднократно получала переходящее знамя горисполкома и горкома ВКП(б). Артельная самодеятельность в художественных смотрах города занимает не последнее место.

Это небольшое предприятие на севере нашей Родины служит на благо социалистической отчизны. Члены его чувствуют себя ячейкой единого коллектива советских людей, строящих светлое здание коммунизма!

УСТЮЖСКИЕ СЕРЕБРЯНЫХ И ЧЕРНЕВЫХ ДЕЛ МАСТЕРА

В конце XVIII и в начале XIX века все ремесленники Устюга соответственно их специальности распределялись между ремесленными цехами. Каждый цех имел свою управу, которыми руководила городская ремесленная управа. Мастера по черни состояли в серебряном цехе.

17 февраля 1786 года голова Устюжской ремесленной управы, сам мастер по черни, Иван Жилин открыл цеховую серебряную управу; он снабдил управу положением, значком, печатью и написал журнал об открытии. Журнал подписали: старшина серебряной управы Алексей Гуцин и старшинские товарищи Александр Климшин и Степан Молоков.

Сохранились за некоторые годы окладные реестры и ведомости этой управы и ученичья книга, в которой велись записи учеников. К сожалению, в реестрах и ведомостях, да и в ученичьей книге не всегда делались отметки о специальности, вследствие этого невозможно определить точно, кто из мастеров серебряного цеха был мастером черногого производства. По этой причине в помещаемом ниже списке у некоторых мастеров серебряного цеха не указана специальность. Можно предполагать, что многие мастера серебряного цеха знали черноего производство и могли выполнять определённые процессы для черневых изделий, как гравирование, золочение и даже припуск готовой черни и др., как это делается и в настоящее время.

В список мастеров нашего времени включены только те мастера, которые работают в артели «Северная чернь» в настоящее время или которые работали в артели продолжительное время и играли в черневом производстве значительную роль.

XVII век

Томилко Васильев. Упоминается в документах, относящихся к 1653 году. Он был выписан в Москву из Сольвычегодска для работы окладов на иконы б. Успенского собора. Чеканщик по серебру.

Суворов Фёдор Прокофьев. Выписан в Москву «от Сольвычегодской» для работы окладов на иконы б. Успенского собора. Упоминается в документах, относящихся к 1653 году.

XVIII век

Петрова Федоссия Даниловна, из устюжской полусотни. Занесена в перечень золотого и серебряного дела мастеровых людей, взявших пробы и: позволенные письма в Оружейной Палате в Москве 8 декабря 1704 года под № 91.

Протопопов Алексей Павлович, из устюжской полусотни, занесён в перечень торговцев серебряного ряда в Москве и провинции в 1703–1706 гг. под № 168.

Тимофеев Григорий, из устюжской полусотни, занесён в перечень торговцев серебряного ряда в Москве в 1703–1706 гг. под № 199.

Климшин Михаил Матвеевич, устюжский купец, лучший мастер, по черни. В 1745 году был вызван в Москву для возобновления в Москве черневого производства, где обучил черневному мастерству московского купца Кункина. После обучения Кункина 30 декабря 1745 года вернулся в Устюг.

Климшин Андрей Матвеевич, устюжский купец, брат Михаила Климшина. Мастер черневого производства. Как мастер был слабее своего брата.

Малаков Осип Васильевич, мастер черневого производства. В 1744 году жил «за своими нуждами у города Архангельского».

Буравкин Никита Иванов, купец Устюга Великого, мастер черневого дела, в 1744 году жил в Соли Вычегодской.

Неводчиков Михайло. В 1745 году плывал и управлял небольшим судном на Востоке. В. Берх в «Хронологической истории открытия Алеутских островов» пишет: «Неводчиков был серебряник из Устюга и пошёл искать фортуны в Сибирь; не встречая её нигде, пришёл он в Камчатку, и здесь, как беспашпортный, взят был в казённую службу. Лапин показывал серебряную табакерку работы Неводчикова». В 1745 г. был в экспедиции Беринга. Сергей Марков в книге «Летопись Аляски» пишет, что деятельность Михайлы Неводчикова была заметной, он был мастером чернения по серебру и за заслуги во время плавания с Берингом был произведён в подштурманы в Охотском порту. Плавая на промысловых судах Чупрова, Чебаевского и Трапезникова, он побывал на Ближних островах Алеутской гряды. Зная графику, как мастер чернения серебра, Неводчиков составил чертёж островов Агатту, Атту и Семичи. Эта карта была отослана в Сенат. Неводчиков, видимо, был не плохим мастером чернения серебра и очень деятельным человеком.

Моисеев (1761–1776). По сообщению Вологодских губернских ведомостей за 1839 г. (17), «главный мастер (финифтяной фабрики. – М. Р.) Моисеев славился хорошою отделкою серебряных вещей». Других данных об этом Моисееве нет. По имеющимся документам, в Устюге был только один мастер – Моисеев Яков Герасимов, который в течение шести лет (с 28 марта 1789 г. до 28 марта 1795 г.), то есть когда

фабрики уже не существовало, с 16 до 22 лет по договору обучался у устюжского цехового мастера Ивана Попова серебряному делу.

Сидоров Роман Васильевич. В устюжской пробирной палатке в 1780 году записан мастером и отмечен в окладных ведомостях 1787, 1792, 1804, 1807 и 1811 годов, как работающий. Умер в 1834 году.

Бушков Яков Алексеевич. Был записан мастером с детьми в устюжской пробирной палатке в 1786 и 1792 годах.

Гущин Михаил Алексеевич. Записан в окладной ведомости 1786 года. В том же году в ученичьей книге он показан как цеховой мастер и при нём записаны в серебряный цех учениками его сыновья: Пётр – 23 лет, Михаил – 19 лет и Павел – 16 лет. Очевидно этот Гущин и был отцом мастеров Петра, Михаила и Павла Михайловичей Гущиных, позднее значащихся мастерами серебряного цеха.

Гущин Алексей Васильевич. В окладных ведомостях: 1786 года записан как старшина, 1792 года записан вместе с сыном и 1799 года – один.

Гущин Семён Алексеевич. В окладных ведомостях 1786, 1792, 1804, 1807 годов записан с сыном и 1811 года – один. За 1786 год в ученичьей книге записан мастером с находящимися при нём учениками – сыновьями мещанина Фёдора Звездочётова Михайлом – 14 и Иваном – 12 лет.

Гущин Василий Михайлович. В окладных ведомостях 1786, 1804, 1807, 1811, 1821. 1828 гг. значится мастером. В 1834 году умер.

Гущин Пётр Михайлович. В 1786 г. 23-летним он записан, как сын цехового мастера, учеником при отце. В 1804 году, когда ему был 41 год, он записан вместе со своим сыном и в 1811 году записан один.

Гущин Михаил Михайлович. В 1786 году, 19-летним, записан в окладной ведомости сыном цехового мастера и учеником при отце. В 1804 году записан вместе со своим отцом и в 1807 году – один.

Гущин Павел Михайлович. 16-летним записан в окладной ведомости 1786 года, как сын цехового мастера и ученик при отце, в ведомости 1804 года – один и в 1821 году от оклада освобождён по старости, в ведомости 1828 года вновь записан один. В 1840 году умер 70 лет от роду.

Звездочётов Михаил Фёдорович. В 1786 году, 14-летним, в ученичьей книге записан учеником у мастера Семёна Гущина. В окладной ведомости 1792 года записан цеховым мастером вместе с братом.

Звездочётов Иван Фёдорович. В ведомости 1786 года, 12-летним, записан учеником у цехового мастера Семёна Гущина. В ведомости 1792 года записан вместе с братом.

Климшин Александр Семёнович. Значится в окладных ведомостях 1786, 1792, 1848 гг. В 1805 году освобождён от оклада по бедности и в 1821 году по старости. 17 февраля 1786 г. как старшинский товарищ подписывал журнал об открытии серебряной управы.

Кудрявцев Ипат Фёдорович. В окладных ведомостях 1786 и 1788 гг. записан один, 1792 года – с сыном и 1804 и 1807 гг. – один.

Кудрявцев Пётр Ипатович. В ведомости 1786 года, 20-летним, записан учеником при отце, Кудрявцеве Ипате Фёдоровиче. В ведомостях 1811 и 1821 гг. записан один.

Молоков Степан Степанович. В окладной ведомости 1786 года записан как старшинский товарищ. В ведомостях 1792 года записан с детьми и в 1804 и 1807 гг. – один. В 1821 году из оклада исключён за смертью. Выработывал черневые изделия, но плохого качества. 17 февраля 1786г., как старшинский товарищ, подписывал журнал об открытии серебряной управы.

Пестерев Лев Афанасьевич. Записан в окладных ведомостях 1786 и 1787 гг. В 1791 году выехал в Вологду.

Пестерев Никифор Афанасьевич, брат Льва Пестерева. В 1786 году он как мастер серебряного цеха записался в Якутске и налоги за него за 1783, 1785 гг. платил его брат.

Потапов Пётр Силинович. В ведомостях 1786 и 1787 гг. записан один. В 1792 г. – с детьми.

Потапов Семён Петрович. В окладной ведомости 1786 года записан один и в 1804 году – с сыном.

Торлов Василий Иванович. В окладной ведомости 1786 года записан один, в 1804 году – с отцом и братом, в 1807, 1811 и 1821 гг. – один. В 1828 году умер.

Торокановский Пётр. Записан в окладной ведомости за 1786 г.

Торокановский Семён Фёдорович. В окладной ведомости за 1786 и 1787 гг. записан один, за 1792 год – с отцом, за 1804 год – с детьми, за 1811 год – один. В 1821 году, 60 лет, был старшиной цеха.

Торокановский Алексей Петрович. В окладных ведомостях за 1786 год записан один, в 1804 и 1807 гг. – с детьми, в 1811 и 1821 гг. – один. С 1825 года прекратил работу по старости.

Бушуев Яков Алексеевич. В окладной ведомости за 17-87 год записан мастером вместе с учеником Михайлом Звездочётовым, в 1799 году записан один.

Бушуев Александр Яковлевич. В окладной ведомости 1787 года записан цеховым мастером.

Гущин Пётр Алексеевич. В окладной ведомости 1787 года значится как цеховой подмастерье и в 1782 году – мастером.

Жилин Михаил Петрович. Записан в окладных ведомостях за 1787 и 1792 гг. В 1805 г. умер.

Жилин Пётр Петрович. Записан в окладных ведомостях 1787, 1792, 1804 и 1821 гг. В 1821 году отмечены вместе с сыном, как умершие.

По записи в ученичьей книге в 1790 году у него было два ученика: 1) Фёдор Егоров, крепостной дворянина Якова Кожина, отданный в обучение в 1789 году серебряному мастерству сроком на шесть лет; 2) Пётр Русанов – тоже сроком на шесть лет. Егоров после окончания обучения был увезён помещиком и по этой причине в числе мастеров устюжского серебряного цеха не значится. Русанов работал в Устюге и в 1798 году был записан в окладную ведомость. Надо полагать, что Василий, Иван и Михаил Петровичи Жилины были родные братья Петра, так как они работали в одно время и все значились мастерами серебряного цеха.

По тому, что Пётр Жилин всех своих сыновей обучил одной специальности, можно предполагать, что и сам он был мастер серебряного дела и, в частности, черневого, так как все его сыновья были также мастерами и по черни.

Клестов Сергей Афанасьевич. Записан мастером серебряного цеха в окладных ведомостях за 1787, 1792, 1804 и 1807 гг.

Ордин Осип Иванович. Записан в окладных ведомостях 1787, 1792 и 1804 гг. с сыном.

Островских Иван Александрович, мастер по черни. Значится в окладных ведомостях 1787, 1804, 1807, 1811 и 1821 гг. В 1821 году ему было 60 лет. В ведомостях за 1817 и 1821 гг. он отмечен, как мастер по черни. 1 мая 1807 года взял для обучения черневому делу ученика А. Ф. Козулина сроком на пять лет, но который по неизвестной причине через два года перешёл в ученики к Мосееву. Умер в 1828 году.

Пестовский Иван Фёдорович. Записан в окладные ведомости 1787, 1792, 1807 гг. как мастер серебряного цеха. Умер в 1821 году.

Петров Михайло, мастер серебряного дела, мещанин города Великого Устюга. В 1788 году жил в Костроме и работал не записанным в цехе, о чём в сентябре 1788 года было сообщено в костромскую ремесленную управу шестью записанными мастерами* [* Труды Государственного Исторического Музея. Москва, 1947., стр. 158 и 182].

Петров Пётр, мастер серебряного дела, мещанин Великого Устюга, в 1788 году жил в Костроме с братом. В цех не записывался** [** Там же, стр. 153 и 182].

Торлов Пётр Алексеевич. Значится мастером в 1789 и 1792 гг. с братьями и в 1804 году – с братом и сыном.

Белков Прокопий Тимофеевич. В окладных ведомостях за 1792 и 1799 гг. записан мастером вместе с сыном Иваном.

Белков Иван Прокопьевич. Записан в окладных ведомостях 1792, 1804 и 1807 гг. с детьми, в 1811 году записан один и в 1821 году от оклада освобождён по бедности.

Гущин Иван Андреевич. Записан в окладных ведомостях 1792, 1804 и 1807 гг. Умер в 1809 году.

Жилин Иван Петрович. Записан в окладных ведомостях 1792, 1804, 1807 и 1811 гг. 25 ноября 1795 года принял для обучения серебряному черненому ремеслу Ивана Иванова сроком на пять лет. Ремесленный голова, открывал серебряную управу 17 февраля 1786 года.

Заградский Пётр Иванович. Записан в окладной ведомости 1792 г.

Клестов Иван Степанович. Записан в окладных ведомостях 1792 и 1804 гг. с сыном; в 1807 и 1811 гг. работал самостоятельно. 2 декабря 1812 года поступил на год в работники к Бушковскому Фёдору Климовичу. В 1821 году умер.

Климшин Илья Михайлович. Записан в окладную ведомость 1792 года. Умер в 1805 году.

Молоков Иван Алексеевич. Записан в окладной ведомости 1792 года.

Молоков Осип Афанасьевич. Записан в окладной ведомости 1792 года.

Молоков Прокопий Осипович. Мастер по черни. В 1792 году принял к себе для обучения на три года Бушковского Фёдора Климовича, который после окончания обучения работал мастером черневого серебряного дела. Записан в окладных ведомостях 1787 и 1792 гг. Умер в 1805 году.

Олшуков Николай Иванович. Записан в окладных ведомостях 1792 и 1804 гг.

Ордин Дементий Осипович. В окладной ведомости 1792 года записан один, а в 1805 году вместе с отцом.

Ордин Козьма Осипович. В окладную ведомость 1792 года внесён один, в 1804 году – вместе с сыном и в 1807 и 1811 гг. – один.

Островский Иван Михайлович. Записан в складную ведомость 1792 года.

Пестерев Демид Афанасьевич. Внесён в окладные ведомости: за 1792 год один, за 1804 год с детьми. В ведомости за 1810 год отмечен умершим.

Пестерев Яким Иванович. Записан в окладных ведомостях 1792 и 1799 гг. В 1805 году отмечен умершим.

Попов Иван Фёдорович. Записан в окладных ведомостях 1792 и 1799 гг. как мастер серебряного черневого дела. С 1789 по 1795 гг. у него учился Яков Герасимович Моисеев. В ведомости 1805 года отмечен умершим.

Романов Илья Иванович. Записан в окладной ведомости 1792 года вместе с братом.

Горлов Иван Осипович. Числится только в окладной ведомости 1792 года.

Горлов Прокопий Иванович. Записан в окладных ведомостях 1792 и 1799 гг. В 1806 году отмечен умершим.

Торокановский Алексей Семёнович. Встречается только в окладной ведомости за 1792 год.

Усов Степан. Записан в окладной ведомости 1792 года с сыном.

Бушковский Фёдор Климентович. Мастер серебряного черневого дела с 1795 года. 14-летним мальчиком, в 1792 году, поступил в обучение к мастеру Молокову Прокопию и через три года (17 лет) получил звание мастера. Числится в окладных ведомостях 1799, 1804, 1807, 1811, 1817, 1821 и 1834 гг. – один, за 1828 год – с сыном, в ведомостях за 1817 и 1821 гг. указывается, что он работал по черни. Бушковский много уделял внимания обучению учеников. 6 сентября 1803 года он принял для обучения серебряному ремеслу 13-летнего Стефана Яковлева Гущина сроком на шесть лет, но через два года от этого ученика отказался «за непонятством ко обучению». В 1820 году представил в пробирную палатку договор со Степаном Сергеевичем Минеевым на обучение сына последнего Ильи серебряному черневому делу сроком на шесть лет без оплаты. В 1823 году взял сроком на пять лет для обучения серебряной черневой работе устюжского мещанина Алексея Ивановича Подьякова. В 1826 году им для обучения принят устюжский мещанин Василий Петрович Сорокин сроком на семь лет бесплатно и на три года за плату, а всего на десять лет. Бушковский пользовался и наёмной рабочей силой. 2 декабря 1812 года он представил договор с цеховыми мастерами Иваном Клестовым и Иваном Кошковым о найме их на работу сроком на один год. В 1813 году такие же договоры были заключены с Иваном Алексеевичем Кошковым и цеховым подмастерьем Григорием Ларионовичем Гушиным сроком на один год. В 1815 и 1816 гг. договоры с И. А. Кошковым снова возобновлены. В 1815 году заключил договор с Николаем Кирпичёвым сроком на один год, в 1817 году – с цеховым мастером Григорием Петровичем Буравкиным заключён договор на три года. Можно предполагать, что Бушковский был владельцем довольно крупной мастерской, так как пользовался не только трудом учеников, но и наёмных работников.

Потапов Василий Петрович. В 1795 году, 12-летним, поступил в обучение серебряному ремеслу сроком на пять лет к мастеру Василию Романову. В окладной ведомости 1804 года записан мастером; работал вместе с братом.

Белков Алексей Прокопьевич. В 1796 году согласно записи в ученичьей книге принял для обучения серебряному черневому обронному ремеслу 13-летнего Семёна Козоманова сроком на пять лет на содержании Белкова.

Козоманов Семён Иванович. С 1796 года обучался черневому мастерству у Белкова Алексея Прокопьевича.

Кладовиков Василий Львович. В 1798 году, 14-летним, поступил учеником к мастеру Василию Ивановичу Романову сроком на пять лет. Числится в окладных ведомостях 1810, 1821, 1828 гг. В ведомости 1817 г. отмечен как чеканщик. Умер в 1834 году.

Кошков Иван Алексеевич. В 1798 году, 16-летним, поступил учеником к Моисееву Якову Герасимовичу сроком на три года. Мастер по черни. Работал по найму у Бушковского Якова Климовича в 1812, 1813 и 1815 гг. Умер в 1821 г.

Егоров Фёдор. Крепостной дворянина Кожина. Учился черневому делу у П. П. Жилина с 1798 года в течение 6 лет.

XIX век

Буравкин Григорий Петрович. В окладных ведомостях за 1807, 1811, 1821, 1828, 1834 и 1852 гг. записан один, за 1799 и 1804 годы – с отцом и братьями, за 1857 г. – с сыном и внуком. С 1817 года три года работал по найму у Ф. К. Бушковского.

Бушманов Василий Савин. Записан в окладных ведомостях 1799 и 1804 гг. В 1808 году отдан в рекруты.

Гущин Михаил Андреевич. Числится только в окладной ведомости за 1799 год.

Долгодворов Григорий Порфирьевич. Записан в окладных ведомостях 1799, 1804, 1807 и 1811 гг.

Моисеев Яков Герасимович (Мосеев). Мастер по черни, с 1789 года шесть лет учился у Ивана Попова. Записан в окладных ведомостях 1799, 1804, 1807 и 1811 гг. 22 октября 1798 года взял в ученики сроком на три года 16-летнего Ивана Кошкова. В 1807 году принял в ученики 14-летнего Прокопия Кладовикова для обучения серебряному черневному обронному под золотом ремеслу на пять лет «с содержанием в своём доме и на собственном своём хлебе и артеле, с полаганием на него платья и обуви в срочное время». В 1809 году Моисеев принял для обучения серебряному черневному обронному под золотом ремеслу 16-летнего Алексея Фёдоровича Козулина на три года с содержанием у себя в доме, «на своём хлебе и харчах», с выплатой за него подушных денег в цеховую управу.

Нагибин Прокопий Иванович. Записан в окладных ведомостях 1799, 1804, 1807 и 1811 гг. Умер в 1821 году.

Романов Василий Иванович. Значится в окладных ведомостях 1799, 1804, 1807, 1811, 1821 и 1828 гг. Он обучал с 1795 г. В. П. Потапова и с 1798 года В. Л. Кладовикова.

Рудаков Григорий Ефимович. Записан в окладной ведомости 1799 г. и в 1804 году – с сыном.

Студенцов Пётр Алексеевич. Записан один в окладные ведомости 1799, 1804, 1811, 1821 и 1828 гг. и за 1805 и 1807 гг. – с братом.

Белков Василий Прокопьевич. В окладных ведомостях за 1804 и 1807 гг. записан с отцом Прокопием Тимофеевым. В 1821 году от оклада освобождён по старости. Умер в 1828 году.

Бушуев Алексей Яковлевич. Записан в окладных ведомостях 1804 и 1807 гг. вместе с отцом и в 1811 и 1821 гг. – один. В 1828 г. записан, как умерший.

Буравкин Василий Петрович. Числится только в окладной ведомости за 1804 год.

Молоков Иван Афанасьевич. Встречается только в окладной ведомости 1804 года вместе с сыном.

Пестовский Иван Федосиевич. Записан только в окладной ведомости 1804 года.

Молоков Григорий Иванович. Внесён в окладную ведомость 1805 года вместе с отцом и один в ведомости 1807, 1811, 1821, 1828, 1834 и 1840 гг.

Готмаков Матвей Григорьевич. Мастер по серебряным черневым изделиям. Записан в окладных ведомостях 1805, 1807, 1811, 1821, 1828 и 1834 гг.

Торлов Семён Петрович. Значится только в окладных ведомостях 1807 и 1811 гг.

Кладовиков Прокопий. Мастер по чернению серебра. С 1807 года учился у мастера Я. Г. Моисеева.

Козулин Алексей Прокопьевич. С 1809 года учился черневному производству у мастера Я. Г. Моисеева.

Беляев Пётр Сидорович. Мастер-чеканщик. Значится в окладных ведомостях 1810, 1811, 1821, 1828, 1840, 1857 и 1862 гг. В 1840 году чеканил ризы, венцы и оклады. Работал один. За год переработал серебра на 1224 рубля и продал изделий на 1612 р. 80 к. Работал в Устюге и недостатка не имел.

Пестерева Анна. Значится только в окладной ведомости 1810 года.

Селенина Маремьяна. Значится в окладной ведомости 1810 года.

Буравкин Прокопий Петрович. Записан в окладной ведомости 1811 года.

Гущин Григорий Ларионович. Записан в окладную ведомость 1811 г. В 1813 году работал по найму у Ф. Бушковского. Умер в 1828 году.

Кирпичёв Николай Гаврилович. Записан в окладной ведомости 1811 года. Умер в 1821 году.

Рудаков Андрей Григорьевич. Значится в окладных ведомостях 1811, 1821, 1828, 1834, 1840, 1854, 1862 и 1868 гг.

Саблин Степан Васильевич. Значится в окладных ведомостях 1811, 1828, 1834, 1840, 1852 и 1857 гг. В 1856 году от оклада освобождён по старости.

Бушманов Иван Васильевич. Записан в окладные ведомости 1828, 1834 и 1840 гг. В ведомости за 1821 год от оклада освобождён по бедности и малолетству.

Гущин Александр Семёнович. Записан в окладной ведомости 1821 года. В 1834 году исключён из списков за выбытием в Архангельское общество.

Гущин Николай Михайлович. Записан в окладных ведомостях за 1821, 1828, 1834 и 1840 гг. В ведомости 1821 года отмечен как освобождённый по малолетству от оклада.

Гущин Яков Иванович. Записан в окладной ведомости 1821 года. В ведомость 1828 года не внесён, так как отдан в солдаты за семейство Льва Бабикова.

Долгодворов Василий Григорьевич. Значится в окладных ведомостях 1821, 1828, 1834, 1840 и 1852 гг. Умер в 1856 году.

Жилин Александр Иванович. Мастер черневого производства с 1817 года. Записан в окладных ведомостях 1821, 1828, 1834 и 1840 гг. В 1821 году он был старшинским товарищем, хотя ему в это время было всего 21 год. В 1822 году в ученической книге записан, как принявший в ученики устюжского мещанина Н. Г. Мотохова сроком на семь лет для обучения серебряному черневому мастерству. По некоторым данным, обучал черневому искусству и М. И. Кошкова. По одним источникам А. И. Жилин умер 16 июля 1837 года, 37 лет. Но так как он числился в окладном листе 1840 г., а в 1842 году в ведомости уже не значился, то можно считать, что он умер между 1840 и 1842 годом, а упомянутая дата— 1837 г. является недостоверной.

Гороховский Ф. А. Арсеньев писал, что он был лучшим жилинским подмастерьем и впоследствии искусным мастером. После самостоятельной работы в Устюге в 1828 году переехал в Петербург, где изготавливал черкесские приборы: тонкую же гравировку прекратил из-за дороговизны квартир и содержания и так как производить её в Петербурге было невыгодно* [* Ф. А. Арсеньев. Очерк кустарных промыслов, Вологда, 1882].

Клестов Николай Иванович. Записан в окладных ведомостях 1828 и 1834 гг. Умер в 1840 году.

Кудрявцев Степан Петрович. В окладной ведомости за 1821 год отмечен, как отданный в рекруты.

Кудрявцев Николай Петрович. Записан в окладной ведомости за 1821, 1828, 1834 и 1840 гг.

Кудрявцев Василий Петрович. Встречается только в окладной ведомости за 1821 год.

Ордин Прокопий Кузьмин. Записан в окладной ведомости 1821 года. Умер в 1828 году.

Пестерев Михаил Демидович. Записан в окладных ведомостях 1821, 1828, 1834 и 1840 гг.

Потапов Василий Семёнович. Записан в окладных ведомостях 1821, 1828, 1834 и 1840 гг.

Гусанов Пётр Прокопьевич. С 1790 года в течение шести лет учился мастерству у цехового мастера Петра Жилина. Мастером стал с 1798 года. Записан в окладных ведомостях 1799, 1807, 1811, 1821, 1824 и 1834 гг.

Торокановский Василий Семёнович. Записан только в окладной ведомости за 1821 год.

Жилин Иван Александрович. Родился 26 января 1822 года, мастер по чернению серебра, работал вместе с братом Андреем.

Мотохов Николай Григорьевич. С 1822 года в течение семи лет учился черневой работе у цехового мастера А. И. Жилина. Стал мастером в 1835 году. Записан в окладных ведомостях 1840, 1851 и 1853 гг. В 1840 году выработывал табакерки, панагии, ложки и другие предметы. Работал вместе с работником, которому платил 250 руб. в год. Серебра за 1840 год переработал 10 фунтов, на 664 рубля, червонцев – на 125 руб., всего на 989руб» продал 9 фун. 70 зол., на 1681 р. 20 к. Работал в Устюге и материального недостатка не имел.

Подьяков Алексей Иванович. С 1823 года в течение пяти лет учился черневому делу у мастера Ф. К. Бушковского.

Бельков Лев Иванович. Записан в окладных ведомостях 1828, 1834 и 1840 гг.

Гущин Алексей Семёнович. Записан в окладной ведомости за 1828 год.

Нагибин Иван Прокопьевич. Записан в окладных ведомостях 1828, 1834, 1840, 1852, 1854, 1862 и 1868 гг.– один и с сыном в ведомости 1857 года.

Торокановский Алексей Семёнович. Записан в окладных ведомостях 1828 и 1834 гг.

Торокановский Иван Алексеевич. Записан в окладных ведомостях 1828, 1834 и 1840 гг.

Торокановский Николай Алексеевич. Записан в окладных ведомостях. 1828 и 1834 гг.

Минеев Степан Сергеевич. Из крестьян. Отец Ильи Минеева. Записан в окладных ведомостях 1829, 1830 и 1834 гг.

Студенцов Прокопий Петрович. Стал мастером с 1831 года. Записан в окладных ведомостях 1834, 1840, 1852, 1854 гг. В 1840 году выполнял разные мелкие работы. Переработал серебра за год на 165 р. 80 к. и продал готовых изделий на 302 р. 40 к. Недостаток в средствах покрывал починкой разных серебряных изделий.

Налесов Василий Федорович, мастер по черни. Значится в окладных ведомостях 1834 и 1840 гг. А. Ф. Арсеньев сообщает, что в 1828 году он переехал в Петербург, где работал черкесские приборы.

Хохлев. По сообщению Ф. А. Арсеньева, он в 1834 г. переехал из Устюга в Петербург, где выработывал черкесские приборы, тонкую гравёрную работу прекратил из-за малосостоятельности.

Бушковский Михаил Фёдорович. Мастером по черни стал с 1835 года. Значится в окладных ведомостях 1840, 1862 и 1868 гг. один и в 1857 году – с отцом и сыном. В 1840 году работал различные черневые изделия: табакерки, панагии, ложки и др. Работал один. Переработал серебра за 1840 год 7 фун. на 504 руб. и 5 червонцев на 62 р. 50 к., всего на 566 р. 50 к., продал же продукции на 1166 р. 40 к. (6 ф. 72 зол. по 1р. 80 к.). Работал в Устюге. Материально не нуждался.

Минеев Илья Степанович. С 1820 г. учился черневому делу у Ф. К. Бушковского. Стал мастером с 1835 г. Записан в окладных ведомостях 1835, 1840, 1862 и 1868 гг. один и с сыном в 1857 г. В 1838 г. держал двух наёмных работников, в 1840 году выработывал черневые серебряные табакерки, панагии, ложки и др. Работал сам с одним работником, которому платил 200 руб. в год. За год переработал серебра на 989 руб., продал изделий на 1681 р. 20 к. Работал в Устюге и недостатка не имел. Видный мастер по черни Шипулин видел две его маленьких чарки отличной работы с изображением на одной гор. Архангельска и на другой какого-то божества из римской мифологии.

Сорокин Василий Петрович. С 1825 года десять лет учился черневому мастерству у Ф. К. Бушковского. Мастером стал с 1835 года. Встречается только в окладной ведомости 1846 года.

Шипицына Анна Семёновна. В 1835 году записалась в пробирной палатке мастером и значится в окладных ведомостях 1840, 1851, 1852, 1853 гг.

Ядрихинский Алексей Семёнович. Стал мастером с 1835 года. Значится и окладных ведомостях 1840 и 1846 гг. В 1843 году отмечен, как лучший устюжский мастер. В 1840 году чеканил ризы, венцы, оклады. Работал с учеником. Серебра за 1840 год переработал на 1421 руб., продал же изделий на 1825 р. 20 к. Работал в Устюге. Материально не нуждался.

Усов Емельян. В списке пробирной палатки сказано «купецкий приемный». Записался мастером в 1837 году, но уже в 1840 году в палатке не зарегистрирован.

Кошков Михаил Иванович. Родился в 1816 г. Сын мастера по черни И. А. Кошкова, в раннем детстве уже был знаком с черневым искусством, учился у Ал. Ив. Жилина и в 1835 году (19 лет) был уже мастером, имел свою мастерскую, записался в цех в 1838 году. Записан в окладных ведомостях 1840 и 1880 гг. Видный мастер по черни. Умер в 1896 году. Он обучал М. П. Чиркова и передал ему секрет черни.

Буравкин Илья Петрович. Записан только в окладной ведомости 1840 года.

Буравкин Алексей. Записан только в окладной ведомости 1840 года; отдан в рекруты.

Гущин Иван Яковлевич. Записан в окладных ведомостях 1840, 1862, 1868 и 1880 гг. один и с сыном в ведомости за 1857 год.

Кладовиков Андрей Васильевич. Записан в окладных ведомостях 1840, 1857 и 1862 гг.

Сидоров Роман. В 1840 г. представлял в пробирную палатку свои изделия: 9 крестов, 7 колец, 5 перстней, 34 пары серег с приборами.

Тотмаков Яков Матвеевич. Записан в окладной ведомости 1840 года.

Пестерева Мария Екимовна. Записана в окладных ведомостях 1842, 1846, 1851, 1852 и 1853 гг.

Жилин Андрей Александрович. Родился 11 августа 1824 года. После отца остался сиротой 13 лет и учился черневому мастерству у неизвестного мастера. Видный мастер черневого дела. Работал вместе с братом Иваном, который был старше его на два года. В окладных ведомостях за 1846, 1862 и 1868 гг. записан один и в ведомости за 1857 год с братом и сыном.

Игумнов Иван Матвеевич. Мастер черневого производства. Записан в окладных ведомостях 1846, 1852, 1854, 1856, 1857, 1868 и 1880 гг.

Романов Прокопий Васильевич. Внесён в окладные ведомости 1846 и 1853 гг.

Лобачёв Александр. Внесён в окладные ведомости 1851, 1852 и 1853 гг.

Ядрихинская Христина. Записана в окладные ведомости 1851, 1852 и 1853 гг.

Бельков Яков Львович. Записан в окладных ведомостях 1852, 1854, 1862 и 1868 гг. один, с братьями в ведомости за 1857 г. и за 1880 год с братом Михаилом.

Кудрявцев Павел Николаевич. Внесён в окладные ведомости 1852, 1854, 1857, 1862 и 1868 гг.

Молоков Иван Григорьевич. Записан в окладных ведомостях 1852 и 1854 гг. один, в 1857 году с братом и сыном. Умер в 1859 году.

Торокановский Василий Николаевич. Записан в окладных ведомостях 1852, 1854, 1862, 1868 гг. один, в 1857 году – с дядей и в 1880 году – с сыном.

Тотмаков Михаил Матвеевич. Записан в ведомости 1852 года.

Ядрихинский Семён Алексеевич. Внесён в окладные ведомости 1852, 1854, 1857, 1862, 1868 и 1880 гг.

Буравкин Илья Григорьевич. Записан в окладных ведомостях 1854, 1862, 1868 и 1880 гг.

Бушманов Александр Иванович. Значится только в окладной ведомости 1854 года. Умер в 1857 г.

Гущин Алексей Николаевич. Записан в окладных ведомостях 1854, 1857, 1862, 1868 и 1880 гг.

Клестов Алексей Николаевич. Внесён в окладные ведомости 1852, 1854, 1857, 1862, 1868 и 1880 гг.

Потапов Пётр Семёнович. Записан в окладных ведомостях 1857, 1862 и 1868 гг.

Рудаков Алексей Григорьевич. Записан в окладной ведомости 1857 года.

Тотмаков Николай Яковлевич. Записан в окладной ведомости 1857 года с братом Семёном и дядей, в ведомости за 1862, 1868 и 1880 гг. – с братом.

Тотмаков Семён Яковлевич. Записан в окладной ведомости 1857 года с братом Николаем и дядей, в ведомости за 1862, 1868 и 1880 гг. – с братом.

Бушманов Иван Александрович. Записан в окладной ведомости 1862 года.

Студенцов Иван Прокопьевич. Записан в окладных ведомостях 1862 и 1868 гг.

Молоков Василий Иванович: Записан в окладной ведомости 1868 года, в 1880 году с племянником.

Бельков Михаил Львович. Записан только в окладной ведомости 1880 г.

Жилин Иван Андреевич. Записан в окладной ведомости 1880 года.

Нагибин Василий Иванович. Записан в окладной ведомости 1880 года.

Потапов Михаил Петрович. Записан в окладной ведомости 1880 года.

Потапов Василий Петрович. Записан в окладной ведомости 1880 года.

XX век

Чирков Михаил Павлович. Родился в 1866 г., умер в 1938 г., ученик Кошкова. Старейший мастер по черни, последний представитель старого поколения, знавший секрет состава северной устюжской черни и передавший его государству. Им изготовлено большое количество изделий и в том числе несколько подарков товарищу И. В. Сталину и экспонаты на Всесоюзную Выставку 1934 года. Неоднократно награждался дипломами и денежными премиями. В 1935 году отмечалось 50-летие работы М. П. Чиркова.

Батин Василий Григорьевич, учился у М. П. Чиркова. Работал в артели заведующим производством до смерти. Умер 4 сентября 1934 года.

Шильниковский Евстафий Павлович. Родился в 1890 г. Художественный руководитель артели «Северная чернь», автор большинства новых рисунков. По его рисункам созданы серии изделий. Им разработаны рисунки на современную советскую тематику и Отечественной войны. Имеет ряд наградений и премий.

Корсаков Георгий Николаевич. Родился в 1872 году. Мастер по чеканке и золочению. В артель вступил в 1933 году и выбыл по старости в 1948 г.

Сычёва (Угловская) Мария Алексеевна. Родилась в 1913 году, ученица М. П. Чиркова, ей первой он передал секрет состава черни. В артель вступила в 1931 году. С 1942 года работала председателем артели «Северная чернь». Ею были представлены экспонаты черневых изделий своей работы на Всемирную Парижскую Выставку 1937 года. Имеет ряд наградений и премий. Выбыла из артели в 1949 году, работает в Москве в артели «Ювелир».

Калашникова Глафира Ильинична, 1915 года рождения. Мастер-ювелир, в артель вступила в 1931 году и выбыла в 1947 году. Работала массовые изделия.

Заглубоцкий Симон Прокопьевич. Родился в 1916 г. В артели с 1932 года, мастер-ювелир 6 разряда.

Подсекина Мария Алексеевна, 1917 года рождения. В артель вступила в 1932' году. Мастер-гравёр 8 разряда. Ею выполнена гравировка экспонатов для Всемирной Парижской Выставки, Пушкинской и Крыловской серий и на современную советскую тематику. Имеет ряд наградений.

Попова (Насоновская) Павла Алексеевна, 1917 года рождения. В артель вступила в 1932 году. Мастер-гравёр 8 разряда. С 1941 года работала заведующей производством, с 1948 года является зав. ОТК артели. Гравировала изделия для Парижской Выставки, по заказу Западного Китая и на выставку «Победа». Имеет ряд наградений.

Ядрихинская Лидия Ивановна, 1912 года рождения. Мастер-гравёр 8 разряда. В артель вступила в 1932 году и выбыла в 1946 году. Принимала участие в гравировании изделий Пушкинской и Крыловской серий и на тему «Северный Полюс». В артели б настоящее время не работает.

Брюхова Наталия Константиновна, 1918 года рождения. В артель вступила в 1935 году, гравёр 6 разряда, работает на массовом выпуске изделий. Имеет ряд наградений. Присвоен диплом мастера.

Артамонова (Иванова) Нина Васильевна, 1923 года рождения. В артель вступила в 1940 году, мастер-гравёр 7 разряда. Принимала участие в гравировке изделий Крыловской серии, для выставки «Победа», работает на изделия» массового выпуска. Имеет ряд наградений. Присвоен диплом мастера.

Бондаренко Надежда Павловна, 1922 года рождения. В артель вступила в 1940 году, гравёр 7 разряда. Принимала участие в гравировке изделий Пушкинской серии и для выставки «Победа». Самостоятельно работала над новыми рисунками. Присвоен диплом мастера. Имеет ряд наградений. В артели не работает.

Мелентьева (Коряпина) Пелагея Александровна, 1925 года рождения. С 1940 года работает в артели ювелиром 6 разряда на массовых изделиях. Присвоен диплом мастера.

Пестовская Нина Николаевна, 1921 года рождения. В артель вступила в 1940 году, выбыла в 1946 году. Гравёр 7 разряда, работала на массовом выпуске изделий.

Реутова Нина Алексеевна. 1923 года рождения. В артель вступила в. 1940 году и выбыла в 1947 году. Гравёр 7 разряда. Гравировала изделия Пушкинской серии и для выставки «Победа».

Башарина Анна Павловна, 1925 года рождения. В артели работает с 1941 года ювелиром 6 разряда на массовых изделиях. Присвоен диплом мастера,

Корякина Любовь Ильинична, 1924 года рождения. С 1941 года работает в артели мастером 7 разряда по накладке ч е р н и. Работала на изготовлении изделий Крыловской серии и для выставки «Победа». Имеет ряд наградений. Присвоен диплом мастера.

Постникова Людмила Ивановна, 1916 года рождения. С 1941 года состоит членом артели и работает мастером 7 разряда на массовом выпуске изделий. Присвоен диплом мастера.

Барсукова Зоя Ивановна, 1927 года рождения. В артель вступила в 1942 году. Гравёр 6 разряда, работает на массовом выпуске изделий. Присвоен диплом мастера.

Биричевская Александра Андреевна, 1908 года рождения. В артели работает с 1942 года. Мастер 7 разряда по второй полировке изделий. Принимала участие в изготовлении изделий Пушкинской и Крыловской серий, для выставки «Победа» и на конкурс лучших ювелирных изделий. Присвоен диплом мастера.

Бушковская (Шепелина) Раиса Александровна; 1926 года рождения. В артель вступила в 1942 г., работает гравёром 6 разряда на массовом выпуске серебряных черневых изделий. Присвоен диплом мастера.

Голикова Галина Александровна, 1930 года рождения. В артели с 1942 года, мастер чернения 4 разряда. Училась у Корякиной.

Добрынинская Лидия Степановна, 1925 года рождения. В артели с 1942 года, гравёр 5 разряда. Училась у Насоновской.

Заглубоцкая (Бундакова) Павла Михайловна, 1924 года рождения. В артель вступила в 1942 году, работает гравёром 4 разряда и мастером по золочению на массовых изделиях. Присвоен диплом мастера.

Исаковская Фаина Николаевна, 1926 года рождения. В артель вступила в 1942 году, работала гравёром 6 разряда на массовом выпуске серебряных черневых изделий. Из артели выбыла.

Крупенникова Нина Ивановна, 1926 года рождения. Работает в артели с 1942 года гравёром 5 разряда на массовых изделиях.

Кузнецова Раиса Ивановна, 1927 года рождения. В артель вступила в 1942 году, работает гравёром 6 разряда. Изготовила ложку для выставки «Победа». Работает на массовом выпуске продукции. Присвоен диплом мастера. Имеет ряд наград.

Мелентьев Анатолий Максимович, 1928 года рождения. В артели с 1942 года работал ювелиром 5 разряда на массовых изделиях. Присвоен диплом мастера. Из артели выбыл.

Нагаева Валентина Павловна, 1928 года рождения. В артели с 1942 года, мастер-гравёр 6 разряда, работает на массовом выпуске изделий. Присвоен диплом мастера.

Насоновская Антонина Михайловна, 1926 года рождения. В артель вступила в 1942 году, мастер-гравёр 7 разряда. Присвоен диплом мастера. В артели не работает.

Пашинская Екатерина Алексеевна, 1918 года рождения. В артель вступила в 1942 году, работает мастером 5 разряда на первой выснимке на массовых изделиях.

Рядовикова Анна Михайловна, 1928 года рождения. В артели с 1942 года. Мастер 7 разряда по накладке черни. Присвоен диплом мастера. Принимала участие в изготовлении изделий для конкурса ювелирных изделий, в изготовлении мелких предметов Крыловской серии и по сказке «Конёк-горбунок». Имеет ряд наград.

Сверкунова Александра Ивановна, 1927 года рождения. В артели с 1942 года. Присвоен диплом мастера, работает гравёром 7 разряда. Принимала участие в изготовлении экспонатов для выставки «Победа» и на конкурс лучшего мастера. Имеет ряд наград.

Теплякова Мария Ивановна, 1923 года рождения. Состоит в артели с 1942 года, работает гравёром 6 разряда на массовых черневых изделиях.

Фатиева Галина Ильинична, 1927 года рождения. В артели работает с 1942 года мастером 4 разряда на накладке черни. Присвоен диплом мастера.

Хохлова Лидия Ивановна, 1927 года рождения. В артели с 1942 года, работает мастером 6 разряда на второй выснимке изделий. Принимала участие в работе над изделиями Крыловской серии, для выставки «Победа» и на конкурс ювелирных изделий. Присвоен диплом мастера.

Бабаевская Тамара Яковлевна, 1929 года рождения. В артели с 1943 года, гравёр 6 разряда. Работала на гравировке рисунков по сказке «Конёк-Горбунок» и на конкурс изделий лучших мастеров. Имеет ряд наград. Присвоен диплом мастера. Самостоятельно работает над художественным оформлением изделий.

Башарина Александра Ивановна, 1928 года рождения. В артели с 1943 года, работает гравёром 6 разряда на массовой продукции. Присвоен диплом мастера. Имеет ряд наград.

Верховинская (Шарыпова) Антонина Михайловна, 1927 года рождения. В артели с 1943 года, работает гравёром 7 разряда на массовых серебряных черневых изделиях. Присвоен диплом мастера. Имеет ряд наград.

Ивашевская (Мелентьева) Нина Ивановна, 1928 года рождения. В артели работает с 1943 года мастером 7 разряда по накладке черни на массовых изделиях.

Колбина (Кондакова) Мария Павловна, 1929 года рождения. В артели с 1943 года, работает мастером 4 разряда по накладке черни на изделия массового выпуска. Присвоен диплом мастера.

Мусинская Антонина Алексеевна, 1927 года рождения. В артели с 1943 года, работает гравёром 6 разряда на изделиях массового выпуска. Присвоен диплом мастера.

Попова Зинаида Ниловна, 1929 года рождения. В артели с 1943 года, работала гравёром 7 разряда. Принимала участие в выработке экспонатов для выставки «Победа». Присвоен диплом мастера. Имеет ряд наград. Работает лаборантом артели.

Сазоновская Агния Николаевна, 1928 года рождения. С 1943 года работала ювелиром 5 разряда на массовых изделиях. Из артели выбыла.

Сыроватская (Сорокина) Александра Прокопьевна, 1927 года рождения, гравёр 6 разряда. Вырабатывает изделия массового выпуска. Присвоен диплом мастера.

Угловская (Якушева) Валентина Александровна, 1928 года рождения. В артели с 1943 года, гравёр 7 разряда; принимала участие в гравировке изделий на выставку «Победа» (ножи и вилки), на конкурс лучших мастеров и подарка товарищу Сталину (портсигара). Имеет ряд наград. Самостоятельно работает над художественным оформлением изделий.

Хохлова Галина Ивановна, 1928 года рождения. В артели с 1943 года, гравёр 6 разряда, работала черневые серебряные изделия массового выпуска. Присвоен диплом мастера. Из артели выбыла.

Хромцова Вера Владимировна, 1929 года рождения. В артели с 1943 года, работает гравёром 4 разряда. Присвоен диплом мастера.

Маркова Лидия Александровна, 1929 года рождения. В артели с 1944 года, гравёр 5 разряда. Училась у Тропиной.

Насоновская Антонина Савватиевна, 1930 года рождения. В артели работает с 1944 года гравёром массовых изделий. Присвоен диплом мастера.

Сазоновская Мария Павловна, 1924 года рождения. В артели с 1944 года, работает мастером 4 разряда на первой выснимке. Присвоен диплом мастера.

Тропин Николай Николаевич, 1931 года рождения. В артели с 1944 года, мастер-ювелир 4 разряда. Учился у Коноплёва.

Комлева Анна Александровна, 1928 года рождения. В артели с 1945 года. Гравёр 5 разряда. Училась у Тропиной.

Беляева (Иванова) Лидия Ивановна, 1917 года рождения. В артели с 1936 года, работает на массовых изделиях мастером 7 разряда.

Коноплёв Алексей Прокопьевич, 1920 года рождения. Мастер-ювелир 8 разряда, вступил в артель в 1936 г. Принимал участие в изготовлении изделий Пушкинской, Крыловской серий, на тему русских сказок для выставки «Победа» и на конкурс ювелирных изделий. Присвоен диплом мастера.

Кузнецова Мария Дмитриевна, 1913 года рождения. В артели с 1936 года. Работает на припуске черни. Мастер 8 разряда по составу и накладке черни. Присвоен, диплом мастера. Ученица М. П. Чиркова я преемница М. А. Угловской. Имеет ряд наград.

Тропин Иван Николаевич, 1920 года рождения. В артели с 1936 года. Мастер по золочению 7 разряда. Присвоен диплом мастера.

Тропина Нина Ивановна, 1921 года рождения. В артели с 1937 года, мастер-гравёр 7 разряда. Принимала участие в изготовлении изделий Пушкинской и Крыловской серий, на выставку «Победа» и на конкурс лучшего мастера. Присвоен диплом мастера. Имеет ряд наград.

Титов Александр Евграфович, 1922 года рождения. В артели с 1938 года, работал ювелиром 6 разряда. Из артели выбыл.

Кузнецова Пелагея Васильевна, 1912 года рождения. В артели с 1939 года, работала гравёром 6 разряда на массовых изделиях. Из артели выбыла.

Мокиевская Александра Семёновна, 1922 года рождения. В артели с 1939 г. Гравёр 7 разряда. Принимала участие в гравировке изделий Пушкинской серии и на тему русских сказок, на конкурс изделий лучших мастеров. Присвоен диплом мастера. Самостоятельно разрабатывает новые рисунки. Имеет ряд наград.

Кролик Соломон Абрамович, 1921 года рождения. В артели работает ювелиром 5 разряда, с 1946 г. на массовых изделиях. Присвоен диплом мастера.

Мелентьева Лидия Максимовна, 1925 года рождения. В артели с 1946 года, работает мастером 4 разряда на второй выснимке на массовых изделиях. Присвоен диплом мастера.

Полутова Валентина Павловна. Работает в артели с 1946 г. гравёром массовых изделий. Присвоен диплом мастера.

Сафонова Павла Алексеевна, 1920 года рождения. В артели с 1946 года, работает мастером 6 разряда на второй полировке. Принимала участие в изготовлении изделий Крыловской серии и для выставки «Победа». Присвоен диплом мастера,

Хабарова Галина Николаевна, 1928 года рождения. В артели с 1946 года, работает гравёром 4 разряда на массовых изделиях. Присвоен диплом мастера.

Бабикова Мария Михайловна, 1928 года рождения. В артели с 1946 года, гравёр 6 разряда. Училась у мастера Насоновской.

Данилова Манефа Ивановна, 1930 года рождения. В артели с 1946 года, работает гравёром 5 разряда. Училась у, Насоновской.

Барачевская Галина Прокопьевна, 1927 года рождения. В артели с 1946 года, работает гравёром 5 разряда. Училась у Насоновской.

Княжая Валентина Феодосьевна, 1927 года рождения. В артели с 1946 года, работает гравёром 5 разряда. Училась у Насоновской.

Кузнецова Галина Николаевна, 1931 года рождения. В артели с 1946 года, работает мастером 4 разряда. Училась у Кузнецовой.

Лобанова Римма Сергеевна, 1931 года рождения. В артели с 1946 года, работает мастером чернения 3 разряда. Училась у Кузнецовой.

Меньшенина Мария Александровна, 1931 года рождения. В артели с 1946 года, работает мастером-гравёром 5 разряда. Училась у Насоновской.

Окуловская Людмила Степановна, 1929 года рождения. В артели с 1946 года, работает гравёром 5 разряда. Училась у Насоновской.

Бурцева Евдокия Ильинична, 1930 года рождения. В артели с 1947 г., работает гравёром 2 разряда. Училась у Насоновской.

Глазачева Галина Михайловна, 1931 года рождения. В артели с 1947 года, работает гравёром 5 разряда. Училась у мастера Тропиной.

Забелинская Александра Фёдоровна, 1921 года рождения. В артели с 1947 года, работает мастером-гравёром 3 разряда. Училась у Насоновской.

Мелентьева Галина Николаевна, 1930 года рождения. В артели с 1948 года, работает гравёром 5 разряда. Училась у Насоновской.

Угловская Мария Васильевна, 1927 года рождения. В артели с 1948 года. Мастер-ювелир 4 разряда. Училась у мастера Корякиной.

Автамонова Александра Ивановна, 1930 года рождения. В артели с. 1950 года, работает гравёром 3 разряда. Училась у Насоновской.

Автамонова Мария Васильевна, 1929, года рождения. В артели с 1950 года, работает гравёром 3 разряда. Училась у Насоновской.

Борейнская Изольда Прокопьевна, 1934 года рождения. В артели с 1950 года, работает гравёром 3 разряда. Училась у Насоновской.

Данилова Нина Ивановна, 1932 года рождения. В артели с 1950 года, работает гравёром 3 разряда. Училась у Насоновской.

Воронин Владимир Васильевич, 1934 года рождения. В артели с 1950 года, работает гравёром 5 разряда. Учился у Насоновской.

Коняева Александра Александровна. В артели с 1950 года, работает гравёром 3 разряда. Училась у Насоновской.

Лаптева Зоя Григорьевна, 1932 года рождения. В артели с 1950 года, работает гравёром 3 разряда. Училась у Насоновской.

Менькина Лидия Николаевна, 1925 года рождения. В артели с 1950 года, работает гравёром 5 разряда. Училась у Насоновской.

Нелаева Татьяна Сергеевна, 1932 года рождения. В артели с 1950 года, работает гравёром 3 разряда. Училась у Насоновской.

Попова Серафима Герасимовна. В артели с 1950 года, работает гравёром 3 разряда. Училась у Насоновской.

Протасова Фаина Николаевна, 1933 года рождения. В артели с 1950 года, работает гравёром 3 разряда. Училась у Насоновской.

Реутова Евстолия Дмитриевна, 1931 года рождения. В артели с 1950 года, работает гравёром 3 разряда. Училась у Насоновской.

Седелкова Таисия Ивановна. В артели с 1950 г., работает гравёром 2 разряда. Училась у Насоновской.

Селякова Зоя Ивановна, 1930 года рождения. В артели с 1950 года, работает гравёром 5 разряда. Училась у Насоновской.

Слядникова Капитолина Алексеевна, 1929 года рождения. В артели с 1950 года, работает гравёром 3 разряда. Училась у Насоновской.

Старковская Капитолина Ивановна, 1932 года рождения. В артели с 1950 года, работает гравёром 3 разряда. Училась у Насоновской.

Студенцова Ия Николаевна, 1932 года рождения. В артели с 1950 года, работает гравёром 3 разряда. Училась у Насоновской.

Тишкова Мария Григорьевна, 1931 года рождения. В артели с 1950 года, работает гравёром 3 разряда. Училась у Насоновской.

Чернорицкая Валентина Алексеевна, 1932 года рождения. В артели с 1950 года, работает гравёром 2 разряда. Училась у Насоновской.

Шабалина Тамара Владимировна, 1934 года рождения. В артели с 1950 года, работает гравёром 3 разряда. Училась у Насоновской.

Шепелина Нина Петровна, 1933 года рождения. В артели с 1950 года, работает гравёром 3 разряда. Училась у Насоновской.

Шипицын Юрий Васильевич, 1935 года рождения. В артели с 1950 года, работает мастером-ювелиром 3 разряда. Учился у Коноплёва.

Ямова Евгения Косториевна, 1930 года рождения. В артели, с 1950 года, работает гравёром 3 разряда. Училась у Насоновской.

Жбанов Родион Ефимович, 1930 года рождения. В артели с 1951 года, работает гравёром 5 разряда. Окончил Мстерское художественное училище в 1951 году.

Журавлёв Анатолий Григорьевич, 1927 года рождения. В артели с 1951 года, работает гравёром 5 разряда. Окончил Мстерскую художественную школу.

Зайцев Виктор Васильевич, 1931 года рождения. В артели с 1951 года, работает гравёром 5 разряда. Окончил Мстерскую художественную школу в 1951 году.

Кондратенко Виталий Кириллович, 1927 года рождения. В артели с 1951 года, работает гравёром 6 разряда. Окончил Мстерскую художественную школу.

Крестьянинов Юрий Васильевич, 1934 года рождения. В артели с 1951 года, работает гравёром 5 разряда. Окончил Мастерскую художественную школу в 1951 году.

Кулыгин Юрий Иванович, 1932 года рождения. В артели с. 1951 года. Работал мастером-гравёром 5 разряда. Окончил Мастерскую художественную школу в 1951 году. Из артели выбыл.

Родионов Владимир Фёдорович, 1925 года рождения. В артели с 1951 года, работает гравёром 5 разряда. Окончил Мастерскую художественную школу в 1951 году.

Титова Павла Фёдоровна, 1921 года рождения. В артели с 1951 года, работала гравёром 5 разряда. Училась у Насоновской.